
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК

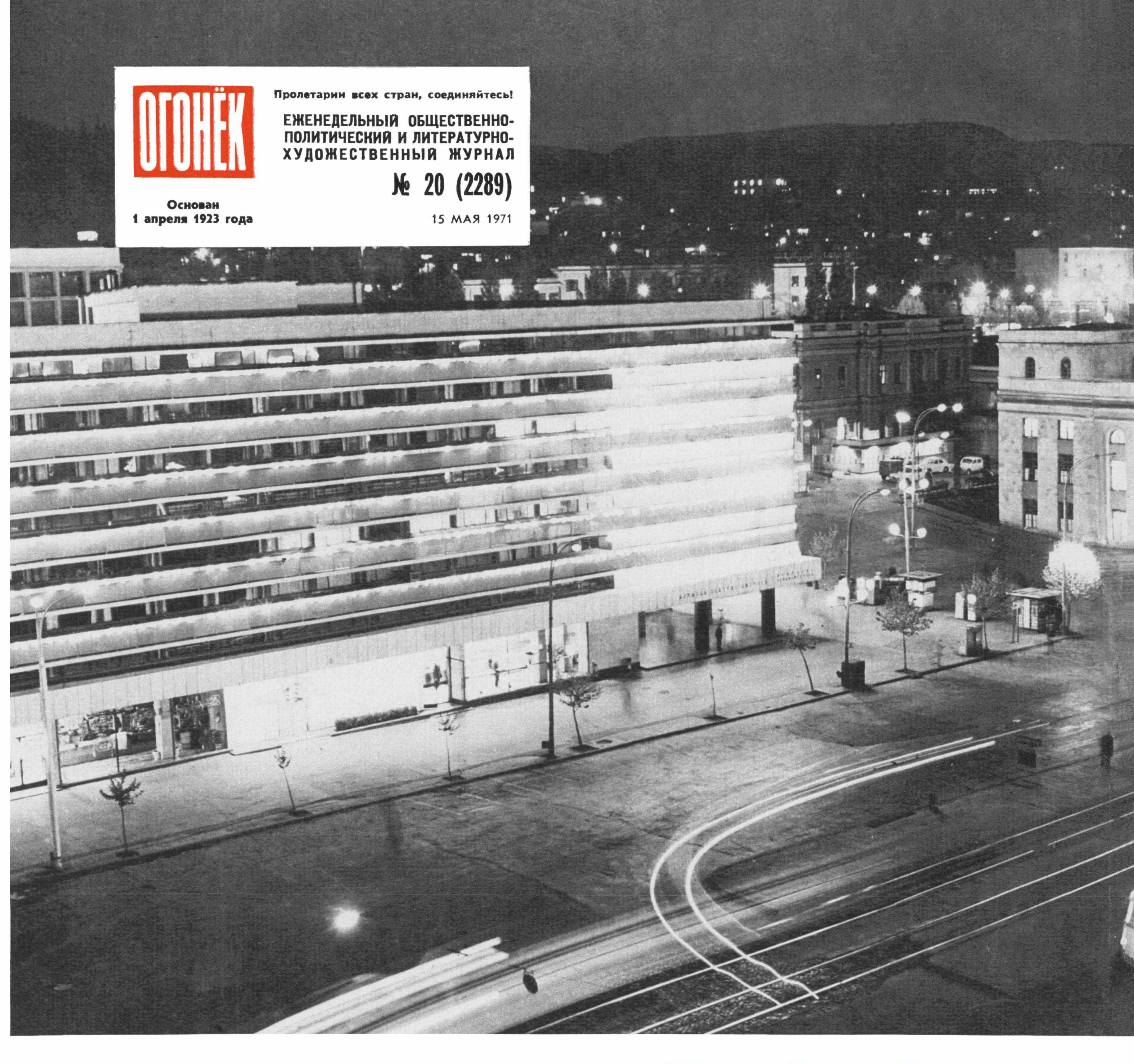
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 20 (2289)

Основан 1 апреля 1923 года

15 МАЯ 1971

50 ЛЕТ ГРУЗИНСКОЙ ССР И КОМПАРТИИ ГРУЗИИ

ЛЕНИНС

В. П. МЖАВАНАДЗЕ,
кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС,
первый секретарь ЦК КП Грузии

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Вопрос. В Грузии весна. Повсюду свидетельства обновления природы. Невольно хочется спросить: а как люди; живущие на этой земле? Что значит для них весна 1971 года?

Ответ. Люди живут в обществе, и все значительное, что происходит в обществе, живо отражается на них. Скажу о том новом, что принесла эта весна в общественную жизнь тружеников нашей республики, о том, какое огромное значение имел для всех советских граждан и их друзей на земном шаре состоявшийся недавно в Москве XXIV съезд КПСС. Величие его решений встанет во весь рост позже. Но и сейчас нельзя не отметить того особого духа оптимизма и уверенности, которым была пронизана работа коммунистов на этом съезде и последовавшая за съездом работа коммунистов на местах. Мы все еще раз

Столица Грузии Тбилиси. Фото Г. Киквадзе (ТАСС).

КИМ КУРСОМ

почувствовали, что дорога, по которой партия ведет наш народ,— единственно правильная, ленинская дорога, что в этой обстановке людям легко дышится, хорошо работается и спокойно живется.

Независимо от погоды на земле люди хорошо чувствуют внутриполитическую ясную, теплую, весеннюю погоду и радуются ей. Но у нас, в Грузии, эта весна празднична еще и потому, что наша советская республика и ее Компартия отмечают ныне очень важную дату в своей жизни — 50 лет.

Вопрос. Как победила власть Советов в Грузии?

Ответ. С самого своего зарождения, с семидесятых, восьмидесятых годов прошлого столетия, революционное движение в Грузии было органически связано с общероссийским рабочим движением. Так же распространялись у нас марксистские и ленинские идеи, образовывались социал-демократические кружки, группы, комитеты. Деятельность их неразрывно связана с именами И. Сталина, В. Кецховели, А. Цулукидзе, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, П. Джапаридзе, З. Чодришвили, М. Бочоридзе, И. Стуруа, А. Енукидзе, Г. Телия и видных русских социал-демократов М. Калинина, В. Курнатовского, Ф. Афанасьева, С. Аллилуева, Н. Козеренко, Г. Франчески и других.

Очень активно и бурно проходили у нас революционные события 1905 года, были крупные восстания и стачки. В октябре 1917 года, когда на территории всей Российской империи началось полное крушение всего старого, отжившего, у нас здесь происходили очень сложные

процессы. Сложные потому, что борьба за пролетарскую революцию тесно сплелась с национально-освободительными стремлениями, которые столь понятны были в условиях великодержавного гнета царской России. Играя на этих стремлениях, отравляя сознание людей ядом национализма, призывая якобы к независимости, грузинским меньшевикам, армянским дашнакам и азербайджанским мусаватистам удалось временно взять верх над большевиками. На самом деле «независимость» была откровенным сговором с американским консулом в Тифлисе, с английскими и французскими военными агентами при штабе Кавказской Армии, с германским и турецким империализмом и руководителями белогвардейского отребья на Юге России. Вот сколько «нянек» и «друзей» оказалось у трудового народа Закавказья!

Все эти «борцы за независимость» торопились создать здесь плацдарм для борьбы против Советской России, используя при этом продажную закавказскую коалицию. Одно время Грузия кишела немецкими и турецкими войсками. Их сменили английские оккупанты. По их указке коалиция снабжала Деникина оружием и нефтью, выдала ему большую группу красноармейцев и советских работников, искавших убежища от белогвардейского террора. И это делали люди, которые называли себя «социалистами»!

С одной стороны, они консолидировались, с другой — затеяли армяно-грузинскую войну, в которой лилась кровь братьев-кавказцев. При демобилизации русских солдат с Кавказского фронта учинили над ними зверскую расправу на станции Шамхор. И в Тифлисе, в Александровском саду, расстреляли мирный митинг, организованный подпольщиками-большевиками.

— Мы знаем,— говорил В. И. Ленин летом 1918 года,— что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное...

Ленин понимал это. Но у Советской России пока не было возможности протянуть руку помощи коммунистам на Кавказе. В обстановке этого невообразимого хаоса, расстрелов, резни, арестов разгоралась тяжелая подпольная борьба за установление Советской власти. Меньшевики своими действиями в Грузии окончательно срывали с себя маску социалистов. К осени 1920 года экономическая разруха в Грузии достигла предела. Между тем Советское государство, покончив с интервентами, стало переходить к восстановлению хозяйства. Советским стал Северный Кавказ, Азербайджан, к концу года — Армения. Несмотря на репрессии, коммунисты Грузии усиливали борьбу, используя все формы легальной и нелегальной деятельности, пропагандируя среди трудящихся чувства солидарности с народами, уже взявшими власть в свои руки, и готовя вооруженное восстание. Для руководства восстанием был образован Ревком. Меньшевистское правительство двинуло против восставших войска и обратилось к империалистам Антанты с просьбой поддержать их вооруженной силой. Ревком Грузии от имени восставших попросил помощи у Советской России. 25 февраля 1921 года возглавляемые Ревкомом восставшие рабочие и части XI Красной Армии, которые по указанию В. И. Ленина пришли им на помощь, освободили Тифлис. Меньшевистское правительство бежало морем из Батуми — навсегда.

Вопрос. Полвека назад коммунисты Грузии образовали свою Коммунистическую партию — отряд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. За эти годы 24 раза собирались они на свой форум. Какие вопросы решались на первых съездах и что обсуждалось в нынешнем году?

Ответ. Этот вопрос очень важный, точнее, коренной вопрос жизни республики. В деятельности руководящей партии, каковой стала в Грузии коммунистическая партия 50 лет назад, как в зеркале отражается все то, за что мы боролись и чего достигли.

В самом деле, если заглянуть в решения первых съездов, легко заметить, как после шовинистического угара, который не выветривался здесь почти четыре года, коммунисты-ленинцы самоотверженно боролись за единство в рядах партии, за интернационализм, за создание Закавказской Социалистической Федерации, которая могла обеспечить национальный мир и экономический союз. Известно, что Федерация была создана, она сыграла свою положительную роль и была упразднена, когда необходимость в ней отпала.

В первые годы перед руководящей партией встал целый лес вопросов. На съездах обсуждались пути восстановления пришедших в полную негодность промышленных предприятий, состояние сельского, финансово-бюджетного хозяйства, возможности расширения торговли и, представьте себе, даже строительства! Да, уже через полтора года после победы Советской власти в Грузии состоялся первый субботник по закладке ЗАГЭС — электростанции, строившейся по ленинскому плану ГОЭЛРО. Завершилась земельная реформа. Крестьяне получили земли безвозмездно. Именно итоги земельной реформы и обсуждались на 2-м съезде КП Грузии.

Когда просматриваешь круг вопросов, решавшихся на этих первых съездах, кажется, что все это было так давно! В те годы мы даже не знали слова «чаеводство», а сегодня докладываем партии о том, что наша чайная промышленность получила для переработки почти 259 тысяч тонн чайного листа, на 34 тысячи тонн больше, чем по плану. И чай у нас собирают не только руками, но и созданными в республике машинами, чего нет еще нигде в мире...

Или вот ЗАГЭС, которую закладывали между 1-м и 2-м съездами партии. Станцию на Куре пустили в 1927 году. Я присутствовал на этом торжестве как курсант военного училища. Нам казалось, что сооружен гигант. А сегодня мы становимся современниками другого события: вступают в строй первые агрегаты Ингурской ГЭС, сооружения необычайно сложного технического класса и по мощности превышающего ЗАГЭС в 45 раз.

Тогда мы с горечью отмечали, что Чиатурское марганцевое месторождение все еще находится в руках акционеров и иностранных специалистов, потому что мы не в состоянии были с ним справиться. Сегодня же на съезде шел разговор не только об успехах треста «Чиатурмарганец», но и о качестве выпуска в республике электровозов и самолетов, электронно-вычислительных машин и стабильных изотопов, высокоточных станков и грузовых автомашин. И о том, что 100 видов нашей промышленной продукции идет на экспорт и пользуется за рубежом большим спросом.

В годы первых съездов в зале заседаний собирались 150—250 человек, представляющих не более двадцати тысяч членов партии. И в речах выступающих звучали в основном слова «разруха», «нэп», «коммуна». Или такие слова, как «мелкобуржуазная стихия», «групповщина», «уклонизм», «оппозиция». Все это осталось далеко позади. Сейчас Коммунистическая партия монолитна, едина и давно уже получила возможность сосредоточиваться на вопросах жизненных, практических, приближающих нас к заветному будущему — построению коммунистического общества. В зале заседаний наших съездов собираются сейчас делегаты, представляющие почти трехсоттысячную армию членов и кандидатов Коммунистической партии Грузии, ораторы говорят о научно-техническом прогрессе, эффективности производства, кибернетике, творчестве. И если мы критикуем друг друга, то главным образом за бесхозяйственность, халатность, шаблон в идеологической работе, за круговую поруку и т. д. Воспитательной работы с людьми у нас еще непочатый край!..

Вопрос. Красноречив язык цифр. Что говорят итоговые цифры минувшего пятилетнего плана?

Ответ. Приведу только самые основные экономические показатели. Они свидетельствуют о том, что народное хозяйство республики непрерывно развивается по пути подъема. Устойчивые и высокие темпы роста экономики выразились в увеличении национального дохода на 32,1 процента. Объем продукции одной лишь промышленности вырос на 54 процента. И если раньше, в предыдущем пятилетии, мы каждый год увеличивали темпы роста в среднем на 7 процентов, то в восьмой пятилетке шли уже с ежегодным приростом темпов в 9 процентов. Разве это не показатель того, что мы год от года движемся все быстрее! Ведь каждый рабочий, занятый в промышленности, во второй половине шестидесятых годов вырабатывал на 37 процентов продукции больше, чем в первой половине. И это потому, что с каждым годом у нас улучшается организация труда, повышается его производительность на основе технического прогресса.

С превышением и раньше срока выполнили пятилетний план продажи государству продуктов и наши сельские труженики. Ежегодно в среднем они выращивали и собирали чайного листа на 31 процент больше, чем в предыдущем пятилетии, винограда — на 52 процента, плодов — на 53, цитрусов — на 34.

Обратите внимание и на цифры, характеризующие размах строительства. 5 миллиардов рублей вложили мы за пятилетие в стройки всякого рода — в 1,6 раза больше, чем в предыдущей пятилетке. И, что самое важное, дали людям много нового жилья — на 814 тысяч квадратных метров больше, чем за пять предыдущих лет.

Жилищная проблема и сейчас стоит у нас остро. Растет население, люди хотят жить удобнее, просторнее. Они все еще нуждаются в улучшении квартирных условий, хотя, казалось бы, наши города и села не подвергались разрушениям, как это было в России, Белоруссии и на Украине во время гитлеровского нашествия.

Вопрос. В период Великой Отечественной войны непосредственных военных действий на земле Грузии не было. Но, как известно, трудящиеся республики и вы лично принимали участие в сражениях против фашистских полчищ. Расскажите, пожалуйста, о тех днях.

Ответ. Бои с отборными альпийскими дивизиями Гитлера шли у самых подступов к республике, на горных перевалах Кавказа и у Новороссийска, не столь далеко от Сухуми. Горы, побережье и порты превратились в прифронтовую полосу. Вся жизнь республики перестроилась на военный лад. Труженики тыла в течение всей войны снабжали фронт военным снаряжением, обмундированием, продуктами питания.

Часть наших товарищей ушла защищать Родину с оружием в руках. В первые же дни войны Компартия Грузии отдала делу защиты Отечества больше половины своего состава. Это только в первые дни. А когда война закончилась, выяснилось, что победу над фашизмом непосредственно на фронтах завоевывали около 700 тысяч представителей нашей республики — пятая часть населения Грузии тех лет. Достойный вклад в общее дело защиты Родины!

Когда думаешь о славных военачальниках генералах К. Леселидзе или П. Чанчибадзе, то невольно вспоминаются знаменитые герои гражданской войны, такие, как В. Киквидзе, громивший белогвардейцев на Украине, или Н. Каландарашвили, командовавший партизанскими соединениями в Восточной Сибири. А разве мало подвигов совершали рядовые солдаты? Назову лишь одного Григория Схулухия. Коммунист, разведчик, действовавший в Керчи, он, раненный, попал в плен к фашистам. Его пытали, надеясь вырвать у него военные тайны, но, не добившись ничего, вырезали на спине пятиконечную звезду и заживо сожгли на костре. В селе Рухи, откуда он родом, стоит бронзовый бюст Героя Советского Союза Григория Схулухия. А дочь его, Винари, за успехи в чаеводстве удостоена звания Героя Социалистического Труда.

Много можно рассказать о каждом из 136 Героев Советского Союза, выросших в нашей республике. Мы помним их и гордимся ими.

Вопрос. Что внес социалистический строй в культурную и духовную жизнь грузинского народа?

Ответ. Если заглянуть в историю грузинского народа, историю, полную войн, жертв, истреблений, то кажется чудом, что он сумел сохранить свой национальный облик, свою культуру. В начале прошлого века Грузия присоединилась к России. Как сказал наш великий писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе, с этого знаменательного дня Грузия обрела мир. А в «Колоколе», том самом «Колоколе», который будил Россию, еще в 1865 году прозвучали такие слова: «Идеал лучшего государственного и общественного устройства, по нашему мнению, скорее всего и раньше всех достижим для России... По этим соображениям мы находим, что, связав свою судьбу с судьбою даже современ-

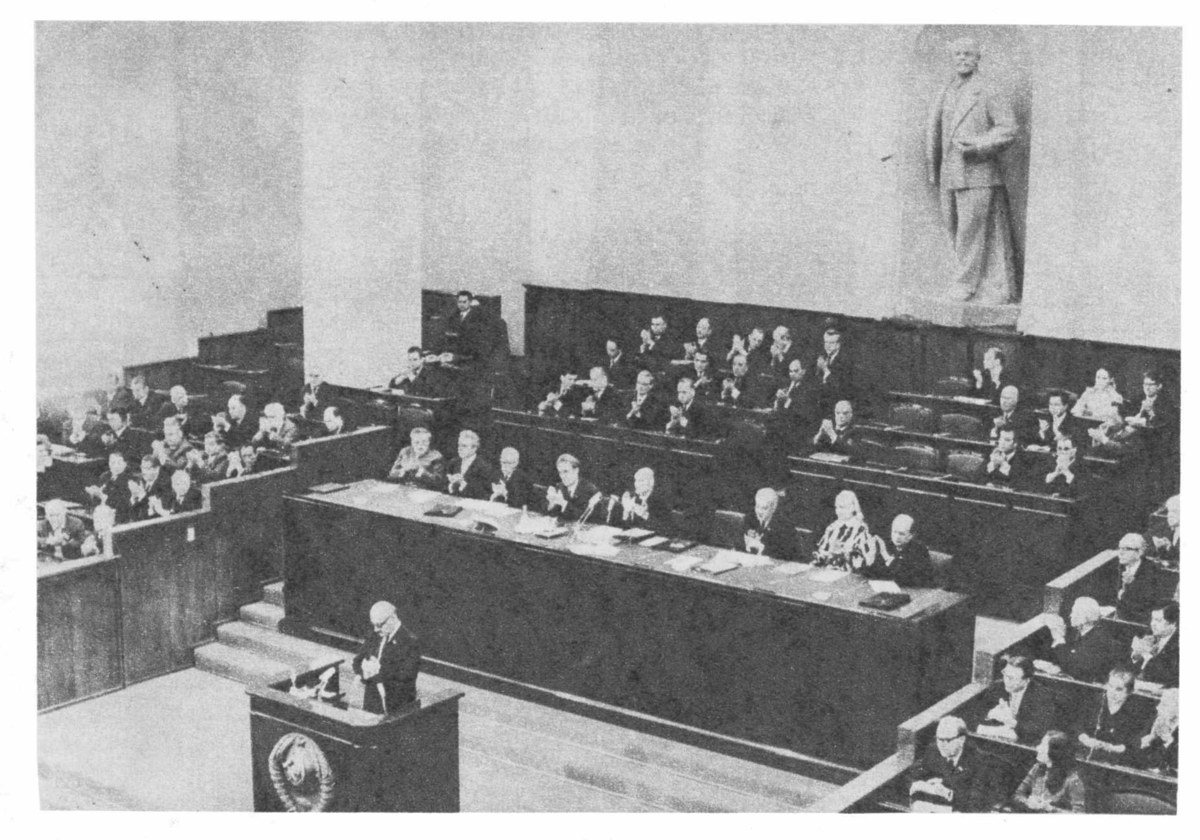
Высокой радостью ознаменовано открытие Второго съезда советских кинематографистов. Награждением орденом Ленина Союза кинематографистов СССР партия и народ отметили заслуги мастеров экрана в развитии искусства кино, их вклад в коммунистическое строительство.

Второй съезд работников советского кино собрался в знаменательные дни, когда страна с необычайным подъемом претворяет в жизнь решения XXIV съезда партии. Они найдут свое яркое жизненное воплощение и в новых созданиях советских кинематографистов.

В президиуме съезда горячо встреченные всеми его участниками и гостями: В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Председатель Центральной Ревизионной Комиссии КПСС Г. Ф. Сизов.

На снимке: открытие съезда.

Фото Е. УМНОВА

СЪЕЗД СОВЕТСКИХ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

ной России, Грузия скорее доберется до возможно лучшего устройства своего положения...». Это писал 22-летний грузинский публицист Нико Николадзе. С той поры, поры Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, литературно-общественная мысль в Грузии и революционное движение пошли рука об руку с движением и борьбой в России. И только меньшевики предрекали, что такой путь неизменно приведет к гибели нации, ее культуры. О том же, что произошло на самом деле, мы можем сказать сегодня: Грузия располагает убедительными свидетельствами расцвета культуры своего народа за пятьдесят лет жизни в союзе братских советских республик. На каждую тысячу жителей Грузии сейчас приходится 58 человек с высшим и 382 со средним образованием. Когда-то наши просветители мечтали о нескольких десятках агрономов или инженеров. Советская власть подготовила более 600 тысяч специалистов. А сколько молодежи учится! Сейчас у нас на каждые 10 тысяч населения приходится вдвое больше студентов, чем во Франции, почти втрое больше, чем в Италии, в пять раз больше, чем в Турции. 18 вузов и 200 научных учреждений работают в Грузии. Издается 146 газет и 121 журнал на грузинском, русском, абхазском, осетинском, армянском и азербайджанском языках. Есть Академия наук, Академия художеств, Консерватория...

Вопрос. Вы много ездите по республике. Что бы вам хотелось добавить к уже сказанному о ней?

Ответ. О Грузии порой составляется несколько однобокое впечатление — по курортной полосе на Черноморском побережье или по проспекту Руставели в Тбилиси. Любая кахетинская, карталинская, имеретинская или гурийская деревня с ее самобытной народной архитектурой, укладом жизни и великолепными пейзажами может сказать о Грузии гораздо больше, чем курорт или парадная улица столицы. Я уже не говорю о нашем высокогорье, где живут хевсуры, сваны, мохевцы, тушины, то есть те же грузины, только с небольшими этническими особенностями.

Для нашей республики характерно при сравнительно небольшой ее территории огромное природное многообразие: снежные вершины, теплые зеленые долины, сухие степи и влажные субтропики, горные ледяные реки и солнечное море. Вот что такое Грузия.

С приходом Советской власти, с организацией подлинно народного хозяйства, с развитием науки мы научились разумно использовать богатства недр, добывать сырье и перерабатывать его. Поэтому если говорить о Грузии сегодняшней, то мне кажется, что одна из ее ярких особенностей — великое многообразие специалистов, знатоков своего дела.

У нас есть шахтеры и металлурги, добытчики мрамора и лесорубы, гидроэнергостроители и специалисты по минеральным водам, ирригаторы, моряки, строители канатных дорог. Мы занимаемся виноградом, чаем, субтропическими культурами, садами, табаком, зерном, шелком, отгонным животноводством, пчеловодством. Мы строим курорты, прогулочные катера, высокогорные шоссе... Всего не перечислишь.

В составе нашей союзной Грузинской республики находятся две автономные республики: Абхазская и Аджарская. А также одна автономная область — Юго-Осетинская. Кроме того, в Грузии, помимо грузин, живут представители многих других национальностей, среди которых выделяются большие группы русских, армян и азербайджанцев. Большая и дружная семья народов численностью в 4 миллиона 734 тысячи человек! Все те дела, о которых я говорил выше, решаются и нами сообща и сообща с другими братскими народами Советского Союза. Это мы ощущаем повседневно, идет ли речь о строительстве Ингурской ГЭС или тбилисского метро. Великий Ленин учил нас дружбе народов, и мы, коммунисты Грузии, претворяем его учение в жизнь.

Вопрос. Население республики растет год от года. Более миллиона человек родились в Грузии за последние десять лет. Что вы на них возлагаете от имени сегодняшнего поколения? За какой жизненный уровень борется Компартия Грузии во имя этой нашей смены?

Ответ. Будущему поколению предстоит терпеливо и упорно разрабатывать вглубь и вширь то, что мы закладываем сегодня. Если говорить о производственной сфере, то, видимо, придется с еще большей настойчивостью бороться за качество продукции и строительства. То же относится и к области создания духовных ценностей: лучше, совершеннее, талантливее!

За последнее десятилетие неизмеримо вырос национальный доход республики. Из этого дохода и черпаются средства на повышение жизненного уровня населения. За пятилетку мы выпустили свыше 400 новых видов товаров широкого потребления. Особенно улучшилось снабжение сел. Теперь жители даже отдаленных районов и горных пастбищ могут приобретать необходимые товары на месте. Объем бытовых услуг для них вырос втрое. Сделано много в области здравоохранения, социального обеспечения, развития физической культуры, курортного строительства.

Мы намечаем в этой пятилетке увеличить реальные доходы трудящихся на 38 процентов. Примерно на одну треть больше, чем в прошедшем пятилетии, будет построено жилой площади. Тбилисский метрополитен строится непрерывно: ведь население столицы республики растет, приближается к миллиону. Перед нами стоит задача построить в Грузии столько школ, чтобы полностью покончить с занятиями детей в третью смену.

В Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Выдвинув в качестве главной задачи девятой пятилетки существенное повышение благосостояния трудящихся, Центральный Комитет имеет в виду, что этот курс будет определять нашу деятельность не только в предстоящие пять лет, но и общую ориентацию хозяйственного развития страны на длительную перспективу. Намечая такой курс, партия исходит прежде всего из того, что наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей людей — это высшая цель общественного производства при социализме».

Коммунисты Грузии, единодушно одобряя эту программу партии, сделают все для того, чтобы быстрее претворить ее в жизнь.

Поход возмездия. Американские ветераны войны во Вьетнаме направляются к зданию Капитолия, чтобы потребовать от сенаторов и конгрессменов США немедленного прекращения войны.

Генрих БОРОВИК

Фото автора.

Снова бушует Америка против войны во Вьетнаме. Снова американский народ восстает против позора, навязанного ему американским правительством,— против бесчеловечной колонизаторской войны.

Во время массовых антивоенных демонстраций в Вашингтоне я ходил среди бессчетных рядов их участников, беседовал с десятками людей, пытался понять, чем же отличаются они, сегодняшние, от демонстрантов в прошлом году, и в позапрошлом, и два года назад.

Первое, что бросается в глаза,— конечно, количество. Их стало больше, гораздо больше — активных противников войны, тех, кто требует немедленного ее окончания и что-то делает для этого. Опрос, проведенный совсем недавно институтом Гэллапа, извлек из недр общественного мнения убедительную цифру: 73 процента американцев требуют скорейшего окончания войны во Вьетнаме. Миф о «молчаливом большинстве», которое якобы поддерживает политику правительства во Вьетнаме, оказался расстрелянным самой войной.

Сколько человек шло 24 апреля по Пенсильвания-авеню в Вашингтоне к ступеням Капитолия — 250 тысяч (по официальным данным) или 500 тысяч (так считают сами участники демонстрации), не имеет большого значения. Потому что еще четверть миллиона в тот же день приняли участие в антивоенной демонстрации в Сан-Франциско. Так или иначе, но «весеннее антивоенное наступление» было самой большой политической демонстрацией в истории США.

Впервые за несколько лет антивоенных демонстраций в разных городах США я не увидел на этот раз зрителей на обочине. Бывшие зрители стали участниками движения.

В прошлые годы антивоенные демонстрации — это была почти сплошь молодежь. В этом заключалась сила антивоенного движения, но в этом была и его слабость. Теперь по Пенсильвания-авеню шло очень много людей с седыми головами.

И — что гораздо важней! — теперь среди демонстрантов было гораздо больше рабочих. Тред-юнионы активно участвовали в весеннем антивоенном наступлении.

Сколько раз президент США и высокие официальные лица из правительства, стараясь принизить значение антивоенного движения, ссылались на «настоящих американцев» — тех, кто воюет во Вьетнаме и кто, по словам официального Вашингтона, поддерживает его политику.

На этот раз все весеннее антивоенное наступление против войны было начато именно ее вете-

КОГДА СОЛДАТ ВЫБ

В массовых антивоенных выступлениях в Вашингтоне приняло участие несколько сот тысяч человек. Это была самая крупная политическая демонстрация в истории США.

В Вашингтоне встретились ветераны-однополчане. Какое это горе — участвовать в преступной войне. Какое это несчастье — быть соучастниками преступления.

РАСЫВАЕТ НАГРАДУ

Мать убитого во Вьетнаме американского солдата несет награды сына к Капитолийскому холму, чтобы бросить их на ступени здания конгресса США.

ранами. Именно они первыми приехали в Вашингтон из разных штатов, чтобы потребовать от сената, от конгресса, от правительства США: «Прекратите войну, прекратите ее немедленно!». Они ходили по коридорам конгресса, стучались в тяжелые дубовые двери. Но как-то так «получилось», что большинство сенаторов и конгрессменов в эти дни были «заняты» и не могли принять бывших солдат.

Ветераны пробыли в Вашингтоне неделю, но ни одно официальное лицо из правительства, того самого правительства, которое столько раз ссылалось на ветеранов, этих «настоящих американцев», как на свою поддержку, не приняло их, не вышло к ним, не встретилось с ними.

Еще для одного собрались ветераны в Вашингтон — вернуть те ордена и медали, которыми их награждали за войну, бросить в лицо правительству, конгрессу эти отличительные знаки позора, убийства, насилия, расизма, дикости.

Если солдаты отказываются идти в атаку, отказываются подчиняться приказу командира (такие случаи очень часты среди американских солдат во Вьетнаме), такое может свидетельствовать о бессмысленности войны, о трусости солдат, о бездарности командиров, о силе противника.

Но когда солдаты возвращают правительству ордена и медали, когда они швыряют их на ступени Капитолия, это говорит только об одном — это говорит о глубочайшем позоре американского правительства, о крахе рекламируемых идеалов и целей, о разоблаченной народом правительственной лжи, о том, что солдат не хочет нести бремя преступлений своего правительства.

Несколько часов провел я у ступеней Капитолия. Будто пытаясь защититься от неотвратимой пощечины, конгресс США обнес себя проволочной решеткой. Сквозь нее швыряли свои ордена, свои медали люди с искалеченным телом, люди, которым пытались искалечить — но не удалось! — и совесть.

Швырнуть орден человеку, который послал тебя на преступную войну, это значит сказать ему: не я преступник, а ты преступник, не я убийца, а ты, хотя я действительно стрелял, а ты сидел в кабинете.

Многие из ветеранов, что швыряли на ступени Капитолия свои награды, сами убивали. Я слышал от одного из них страшный рассказ об американских солдатах, которые носили с собой сувениры — высушенные человеческие уши.

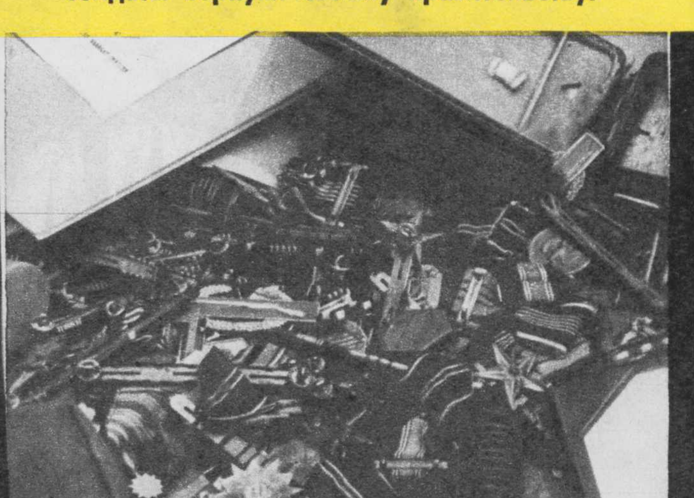
Но во сто крат страшнее преступление тех, кто послал солдат во Вьетнам, кто убеждал их, что вьетнамцы не люди, кто обучил их таким удобным, обтекаемым, «прилично» звучащим терминам, как «нейтрализация» деревни, как «зона свободного огня». Настоящие убийцы — те, кто в дни массовых антивоенных демонстраций уезжает из столицы доигрывать партию в гольф, убийцы — те, кто, несмотря на всенародное возмущение, продолжает войну во Вьетнаме.

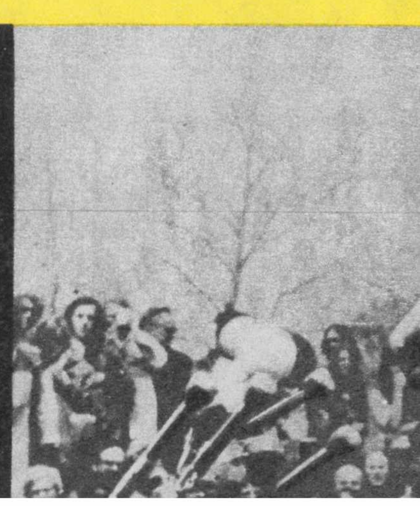
Все знают, что было дальше. Было озверение властей, было попрание даже видимости «демократии». Были полицейские дубинки, были наручники, хорошо трениро-

— Мы хотели бы видеть сенатора, которого мы выбирали,— говорят ветераны,— чтобы потребовать от него окончания войны.
— Извините, сенатор занят.

Вот они, отличительные знаки позора, которые солдаты вернули своему правительству.

ванные на человеческое мясо полицейские собаки, был концлагерь на огромном стадионе и было тринадцать тысяч арестованных за три дня.

Такое не первый раз случается в Америке. Она уже видела подобное три года назад в Чикаго на авеню возле отеля Конрад Хилтон. Видела и раньше. Америка прекрасно знает, как звучит удар полицейской дубинки по человеку и как плачет избитый в кровь врач, у которого отняли аптечку, когда он пытался оказать помощь другому избитому человеку на тротуаре.

Но, может быть, никогда еще Америка не выявляла обманную полицейскую сущность своей «демократии» в такой мере, в какой она выявила ее в последние годы.

Линдон Джонсон в 1964 году пообещал своим избирателям мир. Ричард Никсон вошел в 1968 году в Белый дом, посулив своим избирателям быстрый и эффективный выход из войны. Но, сев в президентское кресло, Джонсон увеличил число американских солдат во Вьетнаме до 500 тысяч. А Никсон не только не закончил войну во Вьетнаме, но совершил вторжение в Камбоджу и в Лаос.

Война все идет. И когда американцы требуют выполнения предвыборных обещаний, на них спускают тюремных собак, на них обрушивают полицейские дубинки, их бросают в тюрьмы.

Так выглядит «американская демократия» на деле.

Беззастенчивость обмана иногда принимают за доказательство силы того, кто обманывает. Но Авраам Линкольн сказал, что нельзя обманывать весь народ в течение долгого периода времени. История подтверждает эти слова великого американского президента.

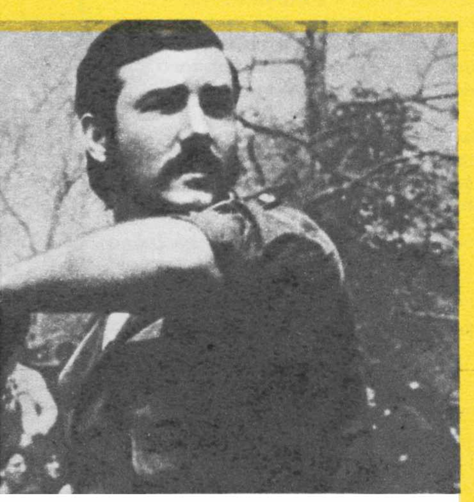
Когда я смотрел на груду медалей, нашивок, знаков отличия, которые американские ветераны с гневом швыряли на ступеньки конгресса, я не мог избавиться от мысли, что эти знаки позора напоминают мне груду других штандартов, знамен и орденов, опозоривших себя перед историей, перед человечеством. Те отличительные знаки варварства так же вот падали на брусчатку, вызывая омерзение тех, кто стоял вокруг. И хотя здесь нет полной идентичности и хотя эти события отделены друг от друга более чем четвертью века, в этой исторической параллели очень много трагического смысла. Недаром слово НЮРНБЕРГ так часто произносят сейчас в мире, когда говорят о Соединенных Штатах Америки, о преступлениях американского правительства во Вьетнаме.

Вашингтон, АПН.

Так расправлялась полиция с демонстрантами. Фото ЮПИ.

«Прочь ваши награды! Прочь ваши ордена!»

Американские солдаты, участники войны во Вьетнаме, возвращают награды правительству. Они не хотят нести бремя позора хозяев Америки.

ДОЛЛАР ЛИХОРАДИТ

Николай БРАГИН

В первых числах мая капиталистический мир потряс новый острый приступ валютного кризиса. Телеграфные агентства сообщили о том, что валютные биржи западноевропейских стран охвачены паникой в связи с огромным притоком в их кассы американских долларов, предъявленных к обмену на другие денежные единицы — западногерманские марки, швейцарские франки, английские фунты, голландские гульдены. Только за два дня федеральный банк ФРГ был вынужден закупить на валютных биржах Западной Германии 2,2 миллиарда долларов. Швейцарскому национальному банку пришлось принять к оплате 600 миллионов долларов всего за несколько часов...

Затем последовала неожиданная пауза: банки ФРГ, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Голландии попросту отказались принимать американские доллары к обмену. Тысячи людей толпились у их дверей, нервно перебирая зеленые бумажки, которые до недавнего времени считались самой устойчивой валютой капиталистического мира и прославлялись американской пропагандой как символ «богатства и процветания».

В 1944 году на международной конференции в Бреттон-Вудсе доллар приравняли к золоту и объявили основной валютой финансового рынка капиталистических стран.

Воспользовавшись этим соглашением, США наводнили западный мир своими бумажными деньгами в астрономических размерах, в несколько раз превышающих золотой запас США. Особенно большое количество американских долларов, не имеющих фактического золотого обеспечения, скопилось в Западной Европе. Западноевропейские монополии усматривают в этом огромную опасность для своей национальной валюты, которая оказалась под угрозой заражения инфляционной болезнью доллара и дальнейшего углубления хронического кризиса валютной системы капитализма.

Кое-кто из воротил большого бизнеса в США все еще пытается сохранять хорошую мину при плохой игре, утверждая, будто ничего из ряда вон выходящего в судьбе доллара не произошло. Но от этого наигранного оптимизма не остается камня на камне при объективном взгляде на действительность. Даже такой влиятельный орган американской печати, как газета «Нью-Йорк таймс», вынужден был констатировать, что денежная система США, подорванная огромными расходами на войну во Вьетнаме, многомиллиардным дефицитом платежного баланса, непомерными военными обязательствами США в различных районах мира, переживает сейчас «самый серьезный валютный кризис», последствия которого трудно предсказать. «Долго назревавший кризис американского доллара разразился скорее и в более острой форме, чем ожидалось»,— подчеркивает «Нью-Йорк таймс».

Как всегда в прошлом, так и теперь американские монополии пытаются переложить тяготы кризиса доллара во внешнеполитическом плане на своих партнеров по валютной системе капитализма. Об этом безо всяких обиняков пишут сегодня газеты ФРГ, Бельгии, Франции, Швейцарии и других стран. Вот, например, строки из западногерманской «Нойе Рейн-цайтунг»: «Бациллы инфляционной болезни привнесены с той стороны Атлантики. Доллар, являющийся резервной валютой Запада, давно испытывает кризис, а американские спекулянты обменивают миллиардные долларовые суммы на валюту, внушающую большее доверие, и прежде всего на западногерманские марки».

В создавшейся обстановке западноевропейские страны пытаются найти «заградительные меры» против инфляции, против дальнейшего наплыва американских долларов, считая, что финансовые потрясения могли бы быть ослаблены в какой-то степени, если бы США пошли на девальвацию доллара. Но об этом в Вашингтоне и не помышляют. Острота межимпериалистических противоречий, заложенных в самой основе капиталистической системы, становится все напряженней.

Драматический характер носило длившееся в течение 19 часов 8 и 9 мая заседание министров экономики и финансов шести стран «Общего рынка», обсуждавшее проблемы, порожденные нынешней вспышкой финансового кризиса. После долгих дебатов был выработан компромиссный план действий на ближайшее время. Его суть сводится к тому, чтобы сохранить паритет между денежными единицами самой шестерки с целью некоторого ослабления долларового нажима. Одновременно странам, которые пожелают, разрешено временно вводить колеблющийся курс своих валют по отношению к доллару. Такой курс, названный «плавающим», уже введен в ФРГ.

Даже наиболее оптимистически настроенные финансово-промышленные круги на Западе с тревогой констатируют, что достигнутый компромисс отнюдь не решает проблемы, ибо ее суть, как подчеркнул министр экономики и финансов Франции Жискар д'Эстэн, «заключается в порочности международной валютной системы».

Валютный тупик, в котором оказался ныне западный мир, служит отражением более глубокого кризиса всей системы капитализма. И процесс этот необратим.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Карло КАЛАДЗЕ

ОСТАЮСЬ ПОЭМОЙ ОКТЯБРЯ

С юностью моей
мои седины
Встретились, как гром с голубизной.
Жизни золотая середина
Остается где-то за спиной.

Знаю, безвозвратно отгорела
Юности высокая заря.
Постарел я,
но не в этом дело —
Остаюсь поэмой Октября.

Кандалы, звенящие сурово,
Сбросил мой народ
и сбросил я.
Строил сам себя я вновь и снова,
Как страна свободная моя.

Утреннее красное светило,
Пламя опаленных вечеров
Полыхали с яростною силой
В строках начинавшихся стихов.

Первые победные сраженья,
Вольный труд, ликующий кругом,
Каждое дыханье и мгновенье
В сердце отражается моем.

Кто сказал,
что только в бурю светит
Тех годов горячая заря?
Нет и нет —
прочтите строки эти,—
Остаюсь поэмой Октября!

Морис ПОЦХИШВИЛИ

БАЛЛАДА О НАРОДЕ

Не только лесами,
Не только садами,
Седыми вершинами,
Реками синими;
Не только холмами тигриного цвета,
Оранжевыми апельсинами,
Источниками молодости,
Не только осенью и весной,
Не только доброй и щедрой землей
Славится Грузия,
Славится Грузия!

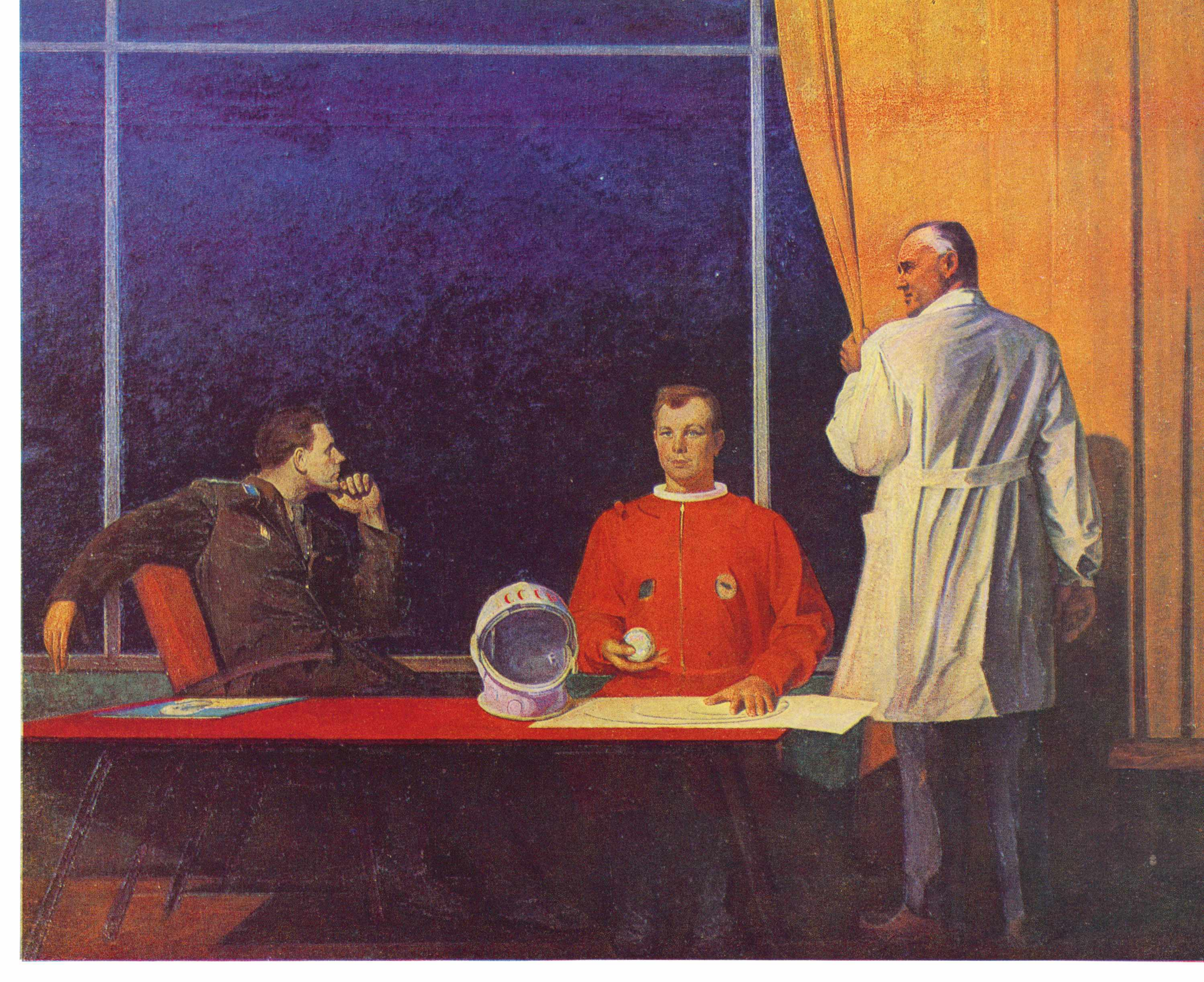
Сердцем народа страна моя славится,
Строит он, пашет, и сеет, и жнет.
И потому Сакартвело-красавица,
В братской семье Сакартвело цветет.

А без народа не будет и Грузии,
Песен не станет, не станет стихов...
А без народа не будет и Грузии,
Все потеряет — отцов и сынов.

Дух величавый, высокое мужество,
Музы и древней отваги содружество,
Все без народа исчезнет, как дым.
Кто оторвется от сердца народного,
Тот превратится в бродягу безродного,
Век проживет человеком пустым.

Строишь ты Грузию, строишь со славою,
Ты поднимаешь родной небосвод.
Руки твои золотые, шершавые
Крепко целую, любимый народ.

Перевел с грузинского
Александр Глезер.

Л. Тихомиров, О. Тихомирова. ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

Ю. Кугач. В ПОЛДЕНЬ.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

С. М. ШАХОВСКИЙ, доктор филологических наук, профессор

А СЛАВА НЕ УМРЕТ...

К 100-летию со дня рождения В. Стефаника

В течение всей жизни Василь Стефаник был художником-однолюбом: знал только крестьянскую тематику, писал лишь психологические новеллы, придерживался лаконического стиля. Самоограничение вызвало предельную самодисциплину и требовательность. Произведения прозаика укладываются в скромный по размерам томик. Краткость не только сестра таланта Стефаника, но и конденсация многообразия, удивительной плотности письма, внутренней энергии.

В 1908 году М. Горький сжато определил своеобразие украинского новеллиста: «кратко, сильно и страшно пишет этот человек».

Страшное началось с детства. Родился Василь Семенович Стефаник 14 мая 1871 года в селе Русове, неподалеку от старинного западноукраинского города Снятин. Отец был зажиточным крестьянином с тяжелым характером. В какой-то мере он послужил прообразом для типа сельского богача в рассказе «Поджигатель». Выделяется выразительная деталь: для него дети—те же батраки. В автобиографии 1926 года говорится: «В будни мать тяжело работала, мы с сестрой вечером пригоняли с поля скотину и сразу засыпали,— нас с трудом поднимали к ужину... У нас было много работников, пожилых и молодых, и я жил с ними всегда в большой дружбе».

Эта дружба осталась на всю жизнь, как и ненависть к богатству и богатеям.

Страшное сопровождало учебу в Снятинской школе, где Василь почувствовал презрительное пренебрежение к себе и ко всему крестьянскому. В Коломыйской гимназии было еще тяжелее. Крестьянским парням отвели последнюю скамью, прозванную «ослячьей лавкой». Одноклассники в лакированных штиблетах, реакционные учителя издевались и насмехались. «Ни до этого случая, ни после,— вспоминал писатель,— я не испытывал более жгучего стыда, и мне кажется теперь, что, не отрави меня этот стыд, я был бы другим человеком».

В гимназии Василь сдружился со своим земляком из соседнего села Торговица Лесем Мартовичем, который уже тогда «писал стихи против учителей и против бога, полные злобы и насмешки». Одноклассники организовали нелегальный кружок, читали рефераты, приобрели библиотеку, в ней было много русских писателей в оригинале, в том числе любимый Василем Глеб Успенский.

Стефаник и Мартович втянулись в политическую работу, знакомились с социалистическими изданиями. Лесь Мартович свое понимание классовой солидарности трудящихся высказал в листовке «На Первое мая 1893», изданной в Коломые. Вот первый абзац листовки: «Трудящиеся люди всего мира будут торжественно отмечать сегодняшний день, Первое мая. Их не запугает никакая сила, никакие устрашающие меры, ибо они помнят слова самого выдающегося мужа нашего времени и искреннего их защитника Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Василь Стефаник начал печататься систематически с 1897 года. За пятилетие набралось около сорока произведений — главное, что он создал за всю жизнь. Почти все они были переведены на русский язык, на многие европейские языки, на литовский, на латышский, белорусский.

Почему творчество Стефаника получило такое признание всей передовой литературной и политической общественности начала столетия? Крестьянство в эту эпоху было в поле зрения всех мыслящих людей. Народничество никого не убедило и ни к чему не призвало. Победила ленинская концепция, ленинский анализ современного положения крестьянства и его будущего. Произошла закономерная встреча передовой политической мысли и правдивого реалистического искусства. Петербургский журнал «Жизнь» громил либеральное народничество. В нем в первом и втором номерах за 1900 год была напечатана работа В. И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве». В первом же номере под рубрикой «Из крестьянского быта» напечатаны рассказы Василя Стефаника. В 9-м номере журнала за этот же год Леся Украинка в статье «Малорусские писатели на Буковине» дала определение политической актуальности реализма Стефаника: «Стефаник — не народник; его «народ» не является носителем каких-то устоев... Стефаник изображает крестьян, стоящих на пороге к полной пролетаризации или уже переступивших этот порог».

Молодой писатель увидел резкие социальные противоречия на селе. Вот судьба батрака Федора из рассказа «Поджигатель». Федор выпил горькую чашу жизни до дна. За все годы работы на кулака Курочку ничего не смог скопить. Жена умерла, а от детей какая помощь — одна дочь пошла в наймитки, вторая— замуж за бедняка. Больной и немощный работник остался униженным и обиженным. Он решил на сходке потребовать от кулака хотя бы приюта на зиму, но был жестоко избит. Бедняки поддержали Федора. Богачи — Курочку. Выразитель народных интересов не боится показать картину кровавой стычки, справедливой мести.

Новеллу «Письмо» автор посвятил политическим заключенным — крестьянам. Героем выступает преданный идее бедняк, которому уже не суждено выбраться из тюрьмы. В его письме к брату и семье нет ни тени раскаяния. Горе беспредельно, но еще выразительнее убежденность в своей правоте.

Редко кто так тягостно переживал горести своих героев, как Василь Стефаник. Свидетели мук его творчества рассказывают, что после бессонной ночи его находили измученным и изнеможенным. Писатель боялся процесса письма, брался за перо только после потрясшего его факта. Так, например, об отце — убийце своей голодной дочери он написал на основе трагедии, разыгравшейся почти у него на глазах; о поджигателе — после признания соседа-батрака; письмо политического заключенного получил сам.

После империалистической войны тема творчества Стефаника как будто изменилась мало, но направление мысли автора и героев стало иным. Как и все передовые литераторы западноукраинских земель, Стефаник с надеждой смотрел на Восток. Крестьяне в одном из его очерков между собой толкуют о том, что молодые, повидавшие свет, панские земли хотят поделить...

К произведениям писателя большой интерес проявлялся в Советском Союзе. И это содействовало творческой активизации Стефаника. В советских журналах печатались его произведения оптимистического тона, ведь существовала новая Украина, и на западноукраинской земле росли вера и надежда на близкое освобождение. На многочисленные юбилейные приветствия в 1927 году Стефаник ответил «всем организациям и товарищам с Советской Украины»: «Стою у порога своей хаты и простираю к вам руки... с любовью жду вас, и ноги мои не болят».

Удивительная это была хата. В 1910 году Василю Семеновичу ее помогли строить крестьяне всех соседних сел, по народному обычаю, который называется толока — дань уважения от всей громады. Самая просторная комната — кухня с огромной крестьянской печью, тут всегда бывало полно всякого люда. Приходили за советом, за лечением, за заступничеством. С веранды видно родное село и село ближайшего друга Леся Мартовича. Растут клены — любимое дерево, посаженное еще руками хозяина, автора прекрасной новеллы «Кленовые листья». Вблизи на песчаном бугре, описанном в рассказе «Каменный крест»,— кладбище, где похоронены близкие Стефаника. Оттуда открывается широкий вид на всю округу.

Не дожил писатель до прихода советских братьев — умер 7 декабря 1936 года. Но недаром в украинской народной думе есть такая концовка: «А слава не умрет, не поляжет, а внукам расскажет». Стоит Василь Стефаник у своей хаты, обращаясь к внукам словом своим, правдой своей и потрясающей силой своего таланта.

ДАЙ РУКУ, ТОВАРИЩ!

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ ДРУЖБЕ

Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

СТОЛЬ ВАЖНЫЙ ШАГ...

Как раз в этот период возник вопрос о перевозке библиотеки имени Куклина и архива партии из Женевы в Париж.

Впервые об этом упоминается в письме Крупской от 12 февраля 1909 года.

«Что касается библиотеки, толком не смогу вам ответить,— писала в Женеву Надежда Константиновна.—...Насколько я знаю, сейчас разговоры о перевозке библиотеки — только разговоры, ибо денег, которые можно было бы затратить на это дело, нет. Письма пишутся в значительной степени под влиянием «настроений». Измучаются, бегавши по всему Парижу за какой-нибудь книжонкой, ну и кипятятся.

Во всяком случае, полагаю, что никаких серьезных шагов предпринято не будет без серьезного обсуждения вопроса с Вами...»

Действительно, условия для работы оказались в Париже совсем не те, что в Женеве, с ее превосходным «Обществом любителей чтения» и особенно с библиотекой имени Куклина. Для того, чтобы получить читательскую карточку в Национальной библиотеке, иностранцу требовалась рекомендация посольства своей страны или по крайней мере «добропорядочного лица, известного администрации». Вряд ли российское императорское посольство согласилось бы дать рекомендацию Ленину! Требуемую бумагу Ильич получил от депутата-социалиста Роблена. И все равно это не решало проблемы. Крупская вспоминала, что заниматься в Париже было очень неудобно: Национальная библиотека далеко. С выпиской нужных книг была также большая бюрократическая канитель: «Ильич на чем свет ругал Национальную библиотеку, а попутно и Париж».

Да, своя библиотека была остро необходима в Париже. Вслед за Крупской 13 марта Карпинскому пишет Виктор Таратута, большевик, член РСДРП с 1898 года (все его письма также были найдены в одной из ивовых корзин):

«Дорогой товарищ! Отсутствие какой бы то ни было сносной библиотеки в Париже вынуждает нас всех ускорить во что бы то ни стало перевозку нашей библиотеки сюда... Расчет таков: при библиотеке откроем читальню, куда сдадим все газеты и журналы, получаемые в редакцию (12—15) с тем, чтобы редакция могла пользоваться читальней 2 часа в дневные часы, когда читальня закрыта для публики. Затем здесь имеется в виду создать хорошую библиотеку, соединив вместе обе библиотеки и присоединив к ним тысячи две книг частных (Ильича и др.). И затем, конечно, исходят из желательности иметь библиотекарем именно Вас. Чтоб двинуть это дело, решено ассигновать в случае надобности до 1.000 фр. с тем, чтобы перевезти и устроить обе библиотеки с читальней и покрыть дефицит ее существования в течение года. При этой ассигновке, мы думаем, Вы сможете немедленно пригласить платного помощника до освобождения Ольги, оставить его в Женеве, пока Вы здесь устроите дело с квартирой, полками и прочим».

Письма В. И. Ленина, обнаруженные в архиве В. А. Карпинского.

Однако Карпинскому не так-то просто было решиться на столь важный шаг — закрыть в Женеве пользующуюся большой популярностью библиотеку и все хозяйство, состоявшее из десятков тысяч книг и драгоценных документов, перевезти в Париж, неизвестно в какие условия. Но главной причиной, останавливавшей его, было полное безденежье. Обещанных тысячи франков едва хватило бы на перевозку огромного багажа. А дальше? На какие средства снять помещение, оплачивать его, нести многочисленные иные расходы? Сумеет ли библиотека Куклина завоевать место под солнцем среди других библиотек Парижа и сама содержать себя (не говоря уже о том, чтобы приносить хоть минимальный доход в партийную кассу, как это было в Женеве)? Не вынуждена ли будет она и впредь требовать деньги из без того пустой кассы РСДРП?.. Обо всех этих тревожных сомнениях Карпинский написал товарищам в Париж.

«Вы понимаете, как трудно нам теперь взять на себя обязательство регулярной поддержки библиотеки сверх единовременной значительной помощи»,— ответил ему Таратута. Но и сама эта «единовременная значительная помощь» оказалась весьма проблематичной. Вслед за В. Таратутой Карпинскому написал Котляренко: «Спешу ответить на ваше письмо от 12/V. Во-первых — по поводу библиотеки. Вчера у нас было собрание хозяйственной комиссии, на котором обсуждался вопрос о библиотеке... ничего не решили и оставили вопрос открытым». Далее Котляренко обстоятельно отвечает на другие вопросы Вячеслава Алексеевича. Эти ответы рисуют картину того, в каких условиях жили и работали большевики, Ленин в Париже: «Прежде всего, Вам необходимо будет устраиваться в центре русского квартала — поближе к университету, а у нас желание — все время подальше от этого квартала. Мы сейчас на окраине — здесь ведь и дешевле квартиры... Затем, если устраиваться вместе, то это будет такая каша, что ужас. Я, например, сейчас живу в квартире, где помещается экспедиция — и проклял час, в который пришла мне эта мысль. Целый день шатается публика и нет минуты, когда можно было бы быть уверенным, что не появится кто-либо и не оторвет от дела или безделья — все равно... Я думаю, что Вам лучше всего поместиться отдельно от нас и устроить свою квартиру вместе с библиотекой...»

Карпинский, понимая, как важна Ильичу и другим товарищам библиотека, уже готов согласиться ехать. Но теперь и сам Таратута уведомляет его: «Хоть условия перевозки библиотеки, которые Вы предлагаете теперь, кажутся в общем приемлемыми публике, однако, сейчас решить этот вопрос нельзя. Раньше, чем через месяц, нельзя дать Вам определенный ответ. Это объясняется условиями той борьбы, которую оппозиция ведет против большинства Большевистского центра: из вопроса о перевозке библиотеки оппозиция легко сделает «платформу» для демагогии».

В свою очередь, и Надежда Константиновна, в новом письме рассказывая о разгорающейся внутрипартийной борьбе с ликвидаторами, пишет, что, на ее взгляд, «библиотека не в состоянии будет существовать тут без систематического пособия, а сможет ли оказывать его расколовшаяся фракция?..»

Что же делать? Карпинский в сомнении. Тем более, что в июле он получает еще одно письмо — от Котляренко:

«Если вы собираетесь перевозить библиотеку к 15 октября, то теперь самое время присискивать квартиру..., а вот насчет вопроса о том, искать ли вам квартиру с расчетом на читальню или без оной, не ясно. Я говорил с Ильичем — он ничего не знает. Говорит: все зависит от района, удобства сообщения и т. д. Как видите, туманно. И для этого вам надо приезжать немедленно, так как вся наша редакция разъехалась по дачам, кроме Ильича, который тоже собирается удирать. Лучше всего вам его застать... Итак, приезжайте на этой же неделе, или в среду, или в пятницу».

По всей вероятности, Карпинский приехал в Париж, встречался с Владимиром Ильичем и обсуждал с ним различные варианты переезда из Женевы. Видимо, тогда же возник у него план объединения библиотеки с уже существующими во французской столице другими русскими библиотеками — студенческой и Тургеневской. Последняя была составлена еще Тургеневым и Герценом, но, как писал Вячеславу Алексеевичу один из товарищей, «благодаря беспорядку — разграблена в сильной мере». В архиве Карпинского я нашел письмо и от политэмигранта А. И. Любимова — «Марка», который по просьбе Вячеслава Алексеевича вел переговоры и со студенческой и с Тургеневской библиотеками. «У студентов наше дело выходит,— писал Любимов.— Ваш каталог их ошеломил, они даже немного сомневаются, так ли все в действительности. Но вот с Тургеневской библиотекой пока не ясно. Как видно, она особенного желания не обнаруживает на слияние. Во всяком случае, немедленно сообщите мне ваше мнение. Считаете ли вы возможным объединиться с одними студентами?..»

О том, что все эти варианты обсуждались с Лениным, свидетельствует письмо Владимира Ильича, отправленное из Парижа в Женеву в первой половине октября.

Ленин писал Вячеславу Алексеевичу:

«Дорогой К.!

Сообщите, пожалуйста, как решили с библиотекой. Правда ли, что переговоры с студенческим обществом еще не кончены?

Или правда, что Вы окончательно решили **не** ехать?

Окончание. См. «Огонек» №№ 17—19.

Не Виктор ли Вас поколебал? Я на него немного сержусь за то, что он переехал один, лишив нас здесь помощи полезнейшего администратора, каким я его считаю. Он теперь «за Женеву». Думаю, что напрасно: мы в Женеву не поедем.

...Жду ответа поточнее о Вашем переезде. У нас в редакции говорят о перевозе одной бончевской библиотеки. Надо выяснить дело **точно** — и поскорее.

Привет Ольге, Ник. Ив. и другим друзьям.

Жму руку. Ваш **Ленин».**

Переписка о библиотеке имени Куклина еще некоторое время продолжалась. В декабре 1910 года по решению Заграничного бюро ЦК Карпинский переправил в Париж книги и документы другой библиотеки — той самой «бончевской», о которой упоминал в своем письме Владимир Ильич. Эта библиотека, официально называвшаяся «Библиотекой и архивом РСДРП», с февраля 1906 по конец 1907 года не функционировала. Часть ее богатств — 132 ящика были переправлены в Стокгольм, а оставшееся имущество передано на хранение Карпинскому. После возвращения Ленина в Женеву в 1908 году она стала именоваться «Библиотекой «Пролетария», однако для публичного пользования была закрыта. Теперь, переправив ее в Париж, Вячеслав Алексеевич так и не решился снять с места доверенное ему редчайшее партийное достояние — богатейшую библиотеку имени Куклина. И, как оказалось в дальнейшем, это его решение обернулось для большевиков великим благом.

Как известно, когда в 1914 году вспыхнула империалистическая война, Швейцарии удалось сохранить нейтралитет. Владимир Ильич в самом начале войны был арестован австрийцами и заключен в тюрьму в Новом Тарге. Вскоре он был освобожден. Но не могло быть и речи о том, чтобы он — враг номер один российского самодержавия, страстный борец против мировой империалистической бойни — приехал во Францию, союзницу России по Антанте. Владимир Ильич приехал в нейтральную Швейцарию и пробыл в ней вплоть до возвращения в Россию в апреле 1917 года. Собрания библиотеки имени Куклина и документы архива оказались к его услугам в один из самых напряженных моментов истории.

Как же сложилась дальнейшая судьба библиотеки имени Куклина?

25 мая 1917 года, уже после отъезда Ленина и первой группы большевиков в революционный Петроград, Карпинский, оставленный в Швейцарии заграничным представителем ЦК партии, обратился к мэру того района—коммуны Женевы, где находилась библиотека, с просьбой предоставить какое-либо помещение, где бы книги и документы были сохранены до конца мировой войны. Такое помещение было предоставлено на чердаке одной из школ.

28 ноября 1917 года, за несколько дней до отъезда последней группы политэмигрантов, с которой возвращался на Родину и Карпинский, он разослал всем ее читателям уведомление:

«Библиотека имени Г. А. Куклина ЗАКРЫВАЕТСЯ и передается на хранение местным коммунальным властям впредь до ее перевозки в Россию по окончании войны.

Библиотека просит Вас возвратить в течение ближайшей недели, до 4-го декабря включительно, взятые Вами книги, а также внести, если следует, плату за чтение... Библиотека была бы весьма признательна тем из ее подписчиков, которые пожелали бы пожертвовать свой залог на перевозку ее в Россию».

В 1923 году архив партии, хранившийся в библиотеке имени Куклина, был перевезен из-за границы в Москву. Карпинский проверил, все ли в сохранности, и после этого написал М. С. Ольминскому, одному из старейших деятелей большевистской партии, председателю Истпарта (созданной по указанию Ленина Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской социалистической революции и истории РКП(б)), что весь архив благополучно перевезен. Вместе с архивом — две корзины и один ящик личных документов и книг Владимира Ильича. «Безусловно, следует перевезти в Россию и остальную часть... имущества с тем, чтобы библиотека имени Г. А. Куклина легла в основу хорошей общественно-партийной библиотеки в каком-либо рабочем центре или рабочем районе Москвы или Петрограда»,— писал Вячеслав Алексеевич.

Что касается документов архива, находившихся в полном порядке, с каталогами, то Карпинский предлагал, чтобы этот архив был передан в Истпарт и послужил основным ядром того отдела, где будут сосредоточены заграничные издания русской революционной эмиграции с первых и до последних дней.

Однако отправка оставшихся книг задерживалась. И только в середине 1924 года их удалось переслать в Петроград. Теперь уже все богатства архива и библиотеки имени Куклина оказались в Советской республике.

Как и предполагал Вячеслав Алексеевич, все эти богатства были сосредоточены в хранилищах Истпарта. Ныне, ставшие достоянием Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, эти книги и документы помогают исследователям изучать историю Коммунистической партии и революционного движения.

НОВАЯ СТРАНИЦА В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Самые замечательные находки, обнаруженные на даче в Заречье,— это автографы двух писем Владимира Ильича.

Оба эти письма связаны с массовой крестьянской газетой «Беднота».

С весны 1918 года по постановлению ЦК РКП(б) вместо газет «Деревенская беднота», «Деревенская правда» и «Солдатская правда» стала выходить массовая крестьянская газета «Беднота». Вячеслав Алексеевич Карпинский был назначен ее редактором.

Владимир Ильич не только непременно просматривал каждый номер газеты, но и требовал от Карпинского, чтобы тот знакомил его с наиболее интересными письмами в редакцию.

Вячеслав Алексеевич рассказывал:

— Владимир Ильич высоко ценил крестьянские письма, присылавшиеся в «Бедноту». Он говорил: «Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!» Он долго, внимательно слушал, чем живет, чем болеет деревня. Иное письмо возьмет в руки и просмотрит. И мне невольно вспоминалось, с какой любовью он сам когда-то разбирал и правил письма рабочих в газеты «Вперед» и «Пролетарий»... Особенно памятна мне одна беседа зимой 1920—1921 года. Время было очень тяжелое: конец гражданской войны, когда жертвы и лишения трудящихся достигли высшей степени. Деревня завалила «Бедноту» письмами. Я пошел к Владимиру Ильичу. На этот раз беседа особенно затянулась. Про каждое письмо Ленин спрашивал: «А кто пишет? Бедняк? Середняк? Кулак?..» Беседа закончилась требованием представить подробный доклад о положении в деревне с выдержками из крестьянских писем. Более полусотни таких писем о продовольственной разверстке и тяжелом положении крестьян было отобрано, изучено и вошло в доклад Ленину. И скоро мне пришлось убедиться, что сводка крестьянских писем не пропала даром. Слушая доклад Ильича на X съезде партии о замене продовольственной разверстки продовольственным налогом, я в ряде мест чувствовал, что Владимир Ильич пользовался крестьянскими письмами как материалом.

С тех пор Ленин требовал регулярных докладов от редактора «Бедноты».

Именно этому и посвящено было найденное ныне в одной из ивовых корзин письмо Владимира Ильича, датированное 26 января 1922 года, в котором он просит: «Не напишете ли мне кратко (2—3 странички maximum), сколько писем от крестьян в «Бедноту»? что важного (особенно важного) и нового в этих письмах? Настроения? Злобы дня?..» Текст этого письма широко известен. Без упоминания о нем не обходится ни одна большая и малая работа по истории партии, по истории, теории и практике советской журналистики. Впервые этот текст был приведен Вячеславом Алексеевичем в его статье «Пролетарский вождь крестьянства», опубликованной в «Правде» 24 января 1924 года. В «Хронологическом указателе произведений В. И. Ленина» источником для включения в Собрание сочинений названа «фотография литографии с автографа», а также «машинописная копия (отпуск)». Оригинал считался утраченным. И вот теперь он найден.

Выполняя задание Ленина, Карпинский стал еще более тщательно анализировать почту, к сроку подготовил очередной доклад. Ныне в его личном архиве я нашел несколько обзоров писем, составленных заведующими различными отделами газеты и, по всей вероятности, служивших материалом для доклада редактора «Бедноты» Председателю Совета Народных Комиссаров. 21 марта требуемый обзор был отослан Владимиру Ильичу. Ленин внимательно прочитал его, подчеркнул те места, где говорилось о настроениях крестьян в связи с голодом и ошибками при проведении нэпа, и предложил ознакомиться с докладом всем членам Политбюро ЦК РКП(б).

27 марта 1922 года исполнялся четырехлетний юбилей «Бедноты». Отправляя доклад, Вячеслав Алексеевич приложил к нему письмо:

«Дорогой товарищ! Посылая Вам очередной «барометр», очень просил бы Вас написать коротенькую статейку к четырехлетнему юбилею «Бедноты» к субботе 25 марта. Мы очень надеемся, что Вы... не откажетесь написать несколько строк о «Бедноте», может быть, как раз в связи с той информацией, какую она давала Вам и какая, быть может, была полезна Вам при составлении важнейших крестьянских декретов...»

Однажды Ленин уже выполнял такую просьбу редакции — для номера, посвященного второй годовщине Великого Октября: его статья «Два года Советской власти» была опубликована в «Бедноте» 7 ноября 1919 года. Но Карпинский знал, что Владимир Ильич в эти дни чувствует себя плохо, его мучают сильные головные боли (тогда, в марте 1922 года, врачи еще не смогли обнаружить недуга, уже начавшего подтачивать организм Ленина, но они настояли на том, чтобы Ильич переехал на отдых в Горки). И вот тогда-то в ответ он получил письмо, в котором, сообщая о своей болезни, Владимир Ильич уведомлял:

«...Поэтому написать что-либо **путное** к четырехлетнему юбилею «Бедноты» не могу. Если подойдет прилагаемое, поместите; не подойдет,— бросьте в корзину, это будет лучше.

Ваш **Ленин».**

Частично это письмо цитировалось в воспоминаниях самого Карпинского, однако в ИМЛ не было даже его копии. И вот теперь найден подлинник и этого письма — новая страница в Собрание сочинений Ленина.

Упомянутое в письме Владимира Ильича «прилагаемое» — приветствие «К четырехлетнему юбилею «Бедноты» открывало номер газеты, вышедший 26 марта 1922 года.

Приветствие было датировано тем же числом, что и письмо к Карпинскому. Стоит заметить, что в этот день, 23 марта, Владимир Ильич чувствовал себя так скверно, что вынужден был попросить ЦК партии освободить его по болезни от участия в работе Пленума...

ПОСЛЕДНИЕ СТРОЧКИ

Прошло полтора года. Мы знаем, что состояние здоровья Владимира Ильича резко ухудшилось, большую часть времени он был прикован к постели. Однако с июля 1923 года начался этап медленного, но непрерывного улучшения.

Осенью 1923 года Карпинский обратился к Надежде Константиновне с просьбой: не может ли Владимир Ильич написать предисловие к одной из новых его брошюр — «Электрификация голов. Вопросы шефства над деревней» (брошюра вышла в свет весной 1924 года с редакционным уведомлением на титуле: «Владимир Ильич знал, что эта книжка набирается, и интересовался ею. Печаталась она уже после его смерти». Сам Карпинский посвятил работу «Ильичу — зачинателю шефства»).

Вот на это-то письмо и ответила Надежда Константиновна на листке, впервые обнаруженном в одной из ивовых корзин минувшим летом.

«Владимир Ильич как раз недавно спрашивал о Вас, что Вы делаете и как живете,— писала Надежда Константиновна.— Я обещала узнать. Поэтому я очень рада была передать ему Ваш привет и рассказать о написанной Вами брошюре.

Но о предисловии, конечно, не может быть и речи... Брошюру бы я почитала ему вслух.

Если у Вас есть лишний экземпляр копии — пришлите...»

Можно не сомневаться, что в ответ на это письмо Вячеслав Алексеевич тотчас отправил в Горки свою рукопись. Прочла ли ее Ильичу Надежда Константиновна?..

Через три месяца Ленина не стало.

«Неустанно, неумолчно, день и ночь, бьется — плещет рабочее море, с обеих сторон...

А он, недвижимый, в середине...

Кто?

Ильич!!!

Тебя не стало? Кто посмел сказать это?! Ты — с нами, ты — в каждом из нас, ты — наш, навсегда запечатленный в наших сердцах.

Всколыхнутое тобою море рабочее не уляжется, не затихнет, пока не сметет с лица всей земли власти капитала...»

Эти строки были написаны Карпинским 25 января 1924 года. На листе сделана пометка: «Москва. Дом Союзов...»

А вскоре, весной того же года, в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Что заповедал нам Ленин своей жизнью, работой и учением. Жизнеописание великого вождя, составленное для крестьян и рабочих В. Карпинским».

«— Шапки долой! — в этой книжке я буду говорить о величайшем в свете вожде восставших рабочих и крестьян, который отдал жизнь за благо трудящихся и угнетенных всего мира, который установил Власть Труда на одной шестой части земного шара. Я буду говорить о Ленине...»

Автор этих строк Вячеслав Алексеевич Карпинский имел высокое право взяться за столь ответственный труд.

И все последующие годы, над чем бы он ни работал — редактировал ли газеты, писал ли книги о революции, о Советской власти, о социализме и коммунизме, выступал ли в годы Великой Отечественной войны чуть не ежедневно по радио или писал страстные публицистические статьи для Советского Информбюро, — он продолжал одновременно со всем этим собирать, систематизировать, осмысливать материалы, связанные с Лениным. Широкую известность получила его книга «Владимир Ильич Ленин — вождь, товарищ, человек». Но Карпинский не мог удовлетвориться этим, он вынашивал мечту о большой книге, посвященной его великому товарищу и другу. Не только вынашивал, но и упорно работал над задуманным монументальным трудом. Вячеславу Алексеевичу шел уже девятый десяток, но каждый день с девяти утра и до вечера с пунктуальными перерывами из-за застекленной двери его кабинета доносилась деловитая скороговорка «Ундервуда». В воспоминаниях о Ленине он настойчиво пытался воссоздать перед читателями облик Владимира Ильича таким, каким он запечатлелся в его сердце и памяти.

Он понимал, что годы неумолимо берут свое, что силы уже на исходе. Однако он не имел права торопиться. Однажды на просьбу Института марксизма-ленинизма сообщить, в каком состоянии находится его работа и когда он предполагает ее завершить, Вячеслав Алексеевич ответил: «На данный момент есть всего четыре главы. Проработал материал примерно еще для одной главы, которую начал писать. Назвать более или менее точно срок завершения моей работы я в настоящее время затрудняюсь... Медленность моей работы вызывается следующими причинами: грандиозность и исключительная сложность тематики; особенные трудности популярного и очень краткого изложения многих и многих сочинений Владимира Ильича; большие структурные трудности... И еще, может быть, чрезмерная требовательность к самому себе автора, ни на минуту не забывающего, о ком и для кого он пишет. Все это ведет к неоднократным переделкам отдельных мест и частей работы...»

Несколько глав книги были опубликованы в «Правде». Но всей жизни не хватило Карпинскому на завершение этого великого дела. Последний его рассказ, основанный на подлинных фактах — «Письма Ленина», — был помещен на страницах «Правды» за два месяца до его смерти.

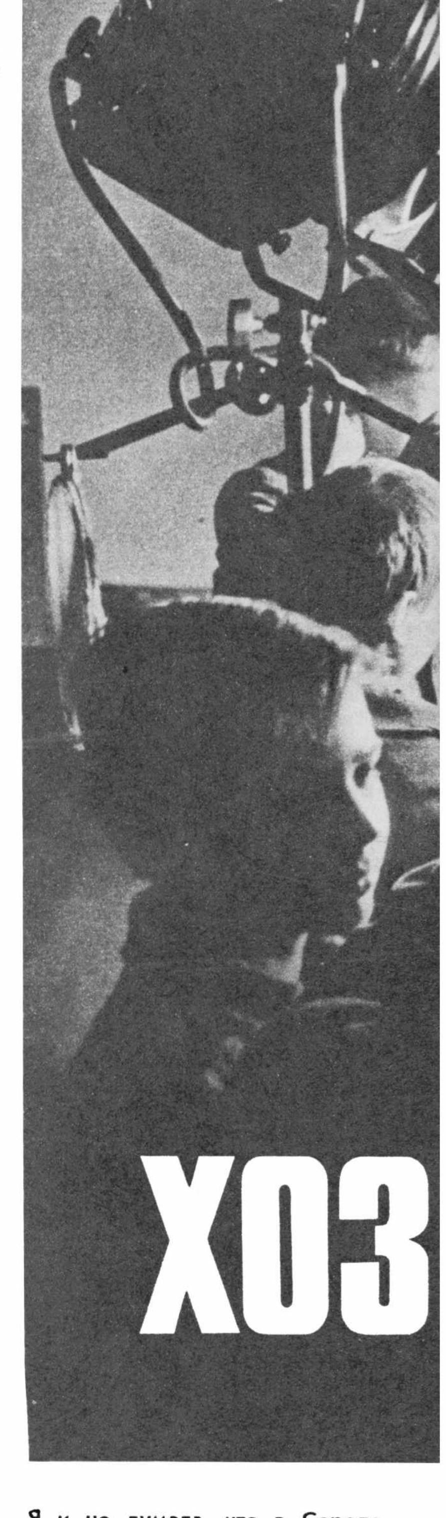
...Последними строчками, написанными Вячеславом Алексеевичем, уже прикованным к постели, были:

«...Нашей молодежи, ищущей, с кого бы ей взять пример в жизни своей, я посоветовал бы:

Берите пример с Ленина!

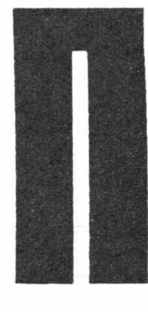
Не ошибетесь».

В гостях у юнфильмовцев Татьяна Морозычева — рекордсмен мира по парашютному спорту. Студийцы будут делать о ней фильм.

Г. СМЕТАНИНА

Фото К. КАСПИЕВА.

очему Середа называется Середой, толкуют по-разному. Одни утверждают, что название торговому селу дали в давние времена, обозначая половину пути между Костромой и Даниловом; другие — что, мол, отсюда и до Ярославля рукой подать... А может, потому, что расположена Середа как-то весело, высоко; в ясную погоду на десятки километров просматриваются окрестности — с деревнями, фермами, лесами, речками; и глаз радуется этим все время меняющимся картинам.

Сейчас Середа — маленькое село с двумя-тремя улочками. Школьники обсадили их тополями. Церквушка в центре села сохранилась от старых времен; крепкое здание школы, еще земской постройки; интернат; правление колхоза «Верный путь»; прекрасный книжный магазин, в котором все время народ, и больше всего ребятишки; универмаг; почта; мастерские бытового обслуживания и библиотека...

В школе я сразу попала на линейку: все от мала до велика собрались в актовом зале. Только что промелькнул на этажах Владимир Васильевич Соловьев, преподаватель литературы и физкультуры, — и вот он уже в центре зала. Еще не заговорил, а все уже смолкли, все внимание на него. А он энергичный, быстрый, скуластый. Взгляд из-под очков острый, проницательный.

— Напоминаю: праздник через неделю. Все знают свои обязанности. Работают все. Гостей будет много: из Любимского района, из Пошехонья, из Данилова, из 36-й и 37-й школ Ярославля... Физоргам улиц и ферм навести порядок, узнать, кто именно участвует в соревнованиях. Завтра доложить!.. Шестой класс после уроков со мной — в лес за еловыми ветками, заодно проверим дорожки для эстафеты на три и пять километров. Работать всей школе... Помните: вы хозяева Середы! Гостям у нас на празднике должно быть хорошо и уютно... Все поняли? Товарищи мальчики, вам стоять, первыми из зала выходят товарищи девочки.

Линейка кончилась. Одна за другой из зала вышли девочки; «товарищи мальчики», которым явно не терпелось выскочить в коридор, спокойно дождались своей очереди.

Я и не думала, что в Середе попаду на большой сельский праздник «Старта»: ехала в школу, чтобы рассказать о работе киностудии «Дружба» — это филиал ярославской **народной** киностудии «Юность»; не так давно все 123 юнфильмовца стали лауреатами области, получив премии имени Ленинского комсомола...

Но в Середе вообще все пути ведут в школу. Именно школа является душой и зачинщиком всех интересных, нужных и важных дел, которые потом и бывают запечатлены в документальных фильмах студии «Дружба».

Именно в школе найдена замечательная форма воспитания молодежи — нравственного и физического. Инициатор всех дел — педагог Владимир Васильевич Соловьев; благодаря ему крохотная Середа стала центром спортивной работы всей области, да не только спортивной, но и культурно-массовой. Конечно, Владимир Васильевич теперь не один в школе,

ЯЕВА И ГОСТИ СЕРЕДЫ

не один и в Середе: вместе с ним все, кто мыслит не об одном сегодняшнем дне, но думает о будущем, о том, какими вырастут молодые граждане.

Как счастлива Середа, что здесь живет учитель-романтик, гражданин по призванию... Ленинградец, гуманитарий, он остался жить в Середе после ранения на фронте. Занялся физкультурой сначала просто для себя, для раненой руки. А потом стал преподавать и литературу и физкультуру с равным увлечением...

Попав в Середу, вы не почувствуете себя «на отшибе», в «провинции»... Вы увидите горячих, деловых людей, не теряющих зря времени, активно занятых общественно полезным трудом. Среди школьников не найдете белоручек, лентяев, увиливающих от общего дела. Девочки владеют и пилой и рубанком, не уступая мальчикам в точности и меткости глаза, а что сказать о мальчиках! На токарных станках здесь делают вещи, которые по качеству не уступят магазинным.

Я была на уроке у Владимира Васильевича. Десятиклассники читали лирику Лермонтова, вспоминали «Думу», а учитель напоминал: «Не растеряйте идеалы! Добивайтесь, чтобы вечно, по-юношески горячо билась кровь! Важно всегда ставить вопросы, которые волнуют народ...»

В Середе как раз ставятся — и решаются — многие вопросы, волнующие народ. Здесь думают: останется ли молодежь жить и работать в деревне или пойдет в город? Сумеют ли молодые украсить свой быт, сделать жизнь интересной, насыщенной или будут бездумно ждать «готового», привозного веселья, заезжих развлекателей?..

В Середе все эти задачи и помогает решать школа. И, может быть, прежде всего тут играет роль даже не студия «Дружба», а спортивный клуб «Старт». Этот клуб тоже создан школой. Но он не только школьный; сюда привлечена и вся молодежь села, и люди, которым за тридцать и за сорок, и даже те, кому больше пятидесяти и шестидесяти... Любят, поддерживают спорт председатели и парторги колхозов, директора совхозов, райкомы комсомола и партии. Спортивные праздники здесь проводятся каждое воскресенье, и на них не то что никого не дозовешься, а съезжаются все, кто как может: на машинах и на лошадях, на велосипедах и мотоциклах, зимой на лыжах... А чаще всего организованно, в автобусах.

Праздники действительно носят всенародный характер: в маленькой Середе собирается до 6—7 тысяч гостей — со всех окрестностей. И люди уже научились не только глядеть да «за своих болеть». Каждый хочет испытать свою ловкость, силу, меткость.

А ну-ка, дровосеки, плотники, умельцы! Не хочется ли и вам включиться в эстафету мастерства? И вот уже состязаются не безусые мальчишки, не школьники, а степенные мастера. Задание: отпилить от бревна с обеих сторон по чурбаку, расколоть чурки, сложить в поленницу. И управиться за минуту-другую...

А перетягивание каната... Старинное это состязание возрождено здесь и втянуло всех. Веселья, смеху сколько!..

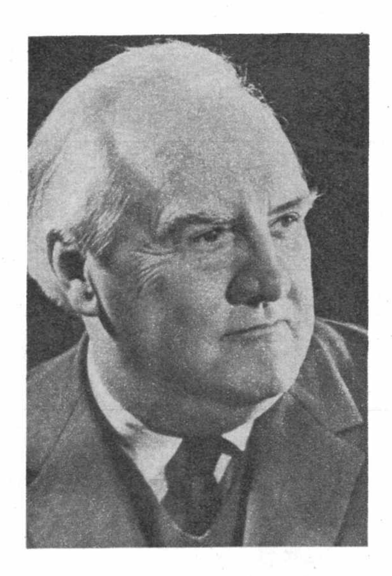
Скучное слово «мероприятие» никак сюда не подходит. А Соловьев со своими друзьями неистощим на такие прекрасные находки. Готовятся к ним, как я видела, деятельно, с увлечением... И обо всей этой умной, содержательной, насыщенной делом сельской жизни рассказывает школьная киностудия. Надо ли удивляться, что у кинооператоров-школьников Иры Соловьевой и Сережи Чистова работы непочатый край.

Ярославль, Даниловский район, село Середа.

СТИХ

Николай **ТИХОНОВ**

ГРУЗИИ

Как будто из морской
Животворящей пены
Навстречу вышла ты,
И пламенел восход,
Все было близко мне,
Все необыкновенно,
Как то, что жизнь мою
Твоя рука ведет.

Я не был бы собой
И не был бы поэтом,
Когда бы не узнал
Весь мир твоих щедрот,
Светящейся зимой
Или слепящим летом,
Но ты предстала мне —
И я уже не тот!

И я уже с тобой
В полях, в садах и в лозах,
На Зестафони зов,
И на Рустави гром,
И на призыв вершин
Я шел, внимая прозе
Рабочих дней твоих,
Под песен серебром.

Я жизнь твою следил
От снежных скал до моря,
Всю глубину души
И тот геройский след,
Который просверкал
Над битвами и горем,
Как в небе самолет,—
Орлиный крик побед!

И я вошел с тобой
В рабочего квартиру,
И к пастуху в шалаш,
И к чаеводу в дом,
И я увидел труд,
Всему открытый миру,
Все чудеса земли,
Что Грузией зовем!

И время говорит:
Уже прошло полвека,
Вставай, и рог возьми,
И выпей до конца,
За весь расцвет земли,
За счастье человека,
Искателя, поэта и бойца!

МАМИСОНСКИЙ ПЕРЕВАЛ. ФЕВРАЛЬ. 1921 ГОД

Грузина два из Глолы,
Смотря на Мамисон,
В февральский день веселый
Дивились, как на сон.

Пустынна, нелюдима,
Лавинами полна,
Зимой непроходима
Та снежная стена.

И крутизны великой
Та Мамисона высь,
А вот ты посмотри-ка,
Картине подивись!

Отвесны снега плиты,
Коварен гор покой,
А вся стена покрыта
Лавиною людской.

Поток неудержимый,
Казалось, гору грыз.
Коней же в снежном дыме
На бурках катят вниз.

Веселый ветер дует,
Бьет в алые значки,
Как будто торжествует,
Приветствуя полки.

А там, то в группах тесных,
То парно, удальцы,
Идут с горы отвесной
Несчетные бойцы.

Как будто легкокрылы,
Братаясь с высотой,
И нет на свете силы
Прервать их бег крутой.

Спешат, как бы играя,
Растут, идут вокруг,
Казалось, что гора их
Сама рождает вдруг.

Грузин взмахнул рукою:
— Ведь то не сон, не бред,
Так что ж это такое,
Чему названья нет,
Как думаешь, сосед?

Сосед взглянул на выси...
И отвечал он так:
— Ты знаешь, в Кутаиси
Уж поднят красный флаг!

И думаю, что в Глоле
Хороший будет год,
Что это революция
На помощь нам идет!

ЦВЕТЫ ГРУЗИИ

Кто шел к вершинам, восходитель смелый,
Тому была та встреча дорога
С альпийских роз лужайкой злато-белой,
Поют им песни вечные снега.

Но в сумерках, где все соблазны новы,
Питомицы Тбилиси, в синий час
Сияют розы сада городского,
Сиявшие столетия до нас.

И снится им: в часы железной прозы,
Как новый век у новых берегов,
Вскипают пеной огненные розы
Стальных садов руставских мастеров.

Где под землей гудит машинный улей,
А над землей звенят нам провода,
Там черной розой угольной Ткибули
Венчает день победного труда!

У ног горы, где началась равнина,
Где разлетелись скалы на куски,
Где над Ингури вырастет плотина,
Роз водяных взлетают лепестки.

В жемчужный блеск их можем углубиться...
Но пламенней, но звонче, ярче всех
Живых цветов грузинских женщин лица,
Их голоса и их сердечный смех,
В них трепет, нежность, прелесть небылицы,
Земля и небо песенных утех!

ИНГУРИГЭС

Самая высокая плотина —
В мире нет соперниц ей сейчас,
И она — работа исполина —
Комсомольской стройкой назвалась.

И О ГРУЗИИ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

И за нею новая дорога,
В Джвари ты попутчиков найдешь,
Ты, пройдя не так чтобы уж много,
В сказку гор — в Сванетию войдешь.

Там герои, боги и богини
Явятся по-дружески тебе —
В чаще леса и над речкой синей,
В старом храме, в красках и в резьбе.

А захочешь в гости к великанам,
Там гора прекраснее горы,
Только вот подумай, может, рано
В гости к ним — оставь их до поры.

В общем, будешь счастлив и доволен,
В общем, ты насмотришься чудес.
Этот край был очень беден солью,
Соль была, как золото, на вес.

А сейчас о соли речи нету —
Золотые нынче мастера
Строят словно новую планету:
ИнгуриГЭС — рабочая гора.

Пусть богини, боги и герои
В памяти останутся твоей,
То, что на Ингури нынче строят,
Всех богов и мифов поважней.

Честь отдать захочешь исполину,
Так скажи, когда сюда пришел:
«Самую высокую плотину
На земле построил Комсомол!»

* * *

Клянясь священною Москвою,
Мы не забудем никогда
Про наше братство боевое
В борьбы великие года.

Как плуг войны на всей планете
Поля кровавые вспахал
И самый буйный в мире ветер
Победы пламя колыхал.

Рейхстаг обугленный, в пожаре...
Над ним, где стяг победный плыл,
Там Мелитон стоял Кантария
И с ним Егоров Михаил,

Поднявши стяг победы нашей
У всей вселенной на виду,
В часы, которых нету краше,
Прекрасней нету в том году.

Пройдут еще несчетно годы,
Но вечно будут помнить их,
Как делегатов двух народов
От всех народов мировых!

ЦХЕНБУРТИ[1]

Мне кажется,
Что в жизни я играю
Еще в цхенбурти,
Конь еще в игре,
Все правила, как я,
Он тоже знает,
И мы давно уж
В схватке на горе.

Все кружит мяч
Под конскими ногами.
Года летят —
Игра всегда права,
А мы идем
Азартными кругами,
Сменяет май
Осенняя трава.

И блекнут зори,
Зорями сменяясь,
И конь храпит,
И, голову задрав,
Он спрашивает,
Хищно улыбаясь:
— Мы еще живы?
Разве я не прав?!

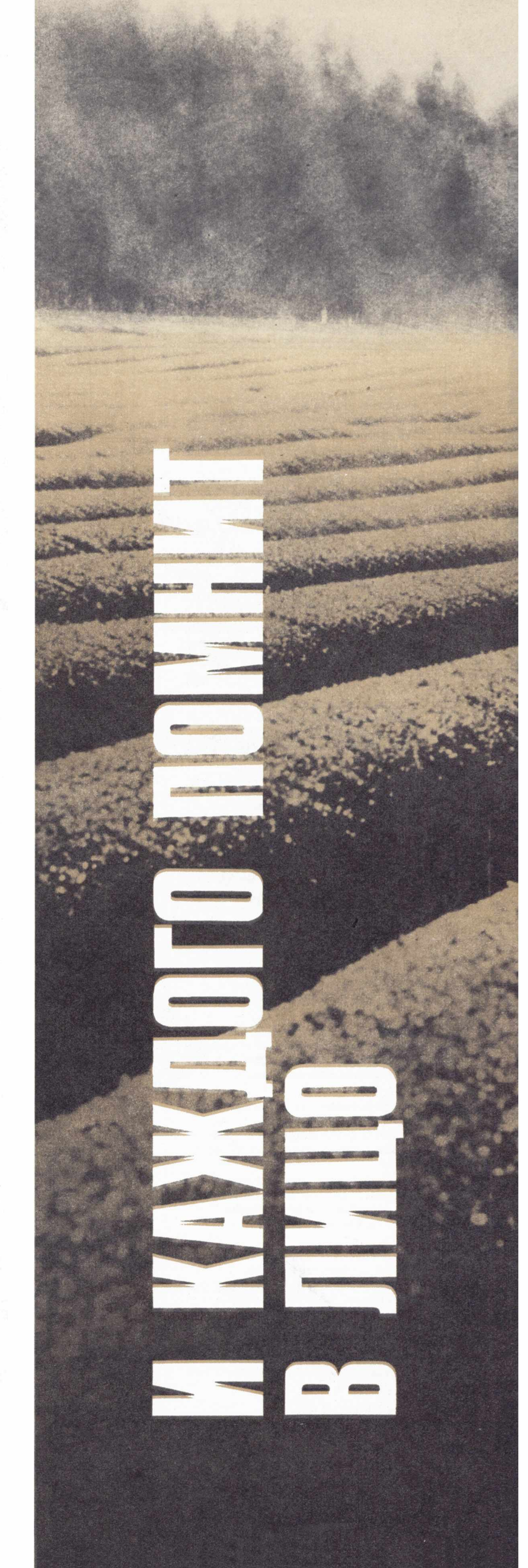
— Вперед, дружище!
Нас зовет пространство,
Крик игроков,
Разлет других высот,
А нужно нам
Палат ума убранство,
Простое, как трава,
И солнца теплый мед!

Ты на дыбы встаешь
И, разметая гриву,
В заката жаркий бой
Ныряешь с головой,
Атака лет растет,
И мяч уже лениво
Сам, от игры устав,
Уходит по кривой.

Цхенбурти! Ты живешь!
Ты слышишь,
Конь зловещий,
Еще игра идет —
И в стремени нога,
И все скользит вокруг:
Виденья, дни и вещи,
Судьею жизнь в игре
И, как судья, строга!

Когда последний раз
И на последнем круге,
Ты упадешь, а я,
Не изменив лица...
Цхенбурти!
Мы в игре — и знаем,
На досуге
Нас вспомнят игроки,
Игравших до конца!

[1] Национальная конноспортивная игра с мячом.

И КАЖДОГО ПОМНИТ В ЛИЦО

«В ГРУЗИНСКОЙ ССР... ВВЕСТИ В ДЕЙСТВИЕ МОЩНОСТИ НА ИНГУРСКОЙ ГЭС».
Из Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ДО ИНГУРИ

Новый начальник появился на строительстве так неожиданно, будто вынырнул из небытия. Грузины, слава богу, знают грузин: не так уж их много. Новый тоже грузин, но никто из гидроэнергостроителей о нем ничего не знал. Между тем по стройке сразу пронесся слух, что начальник — важная птица и орденов у него столько, что не умещаются на пиджаке. Расспрашивать же самого никто не решался. Да и некогда было. Как только появился этот человек, надел высокие резиновые сапоги, рабочую куртку, прошел по участкам, и закрутилось все вокруг него. А он, как обнаружилось, умел бывать везде. Тем временем его молодые земляки из одного грузинского городка, прослышав о нем, написали ему письмо. Мол, так и так: собираем материал о наших знатных людях, напишите нам, расскажите о себе. Урывая свободные минуты, он присаживался к столу, писал по абзацу, по полстраницы. Иногда уносился мыслями в какие-то дали, старался быть сдержанным, лаконичным, смущался писать о себе в первом лице.

Товарищ Эсакия Николай Михайлович, писал он, родился в 1906 году в городе Поти, Грузинской ССР, в семье служащего. Он с большой любовью вспоминает о своем родном городе. В его воспоминаниях Поти выглядит оригинальным и достопримечательным городом. С одной стороны расположен на берегу Черного моря, а с другой — к нему примыкает огромное сказочное озеро Палеостоми...

Сказочное озеро? Да оно же теперь рядом! И родной город Поти тоже в каких-нибудь километрах ста от него, Николая Михайловича Эсакия. В иной день приходится ездить по стройке ничуть не меньше. Но где найти время, чтоб заглянуть, чтоб увидеть, каким он стал за долгие годы его отсутствия, этот милый портовый городок?

Еще будучи студентом института, продолжал вспоминать Николай Михайлович о себе, в связи со смертью отца вынужден был одновременно работать на производстве и продолжать занятия в институте. В этот период Эсакия работал в геологоразведочной партии в Западной Грузии по изысканию баритовых месторождений, в городе Чиатуре на марганцевых рудниках и в Донбассе на угольных месторождениях. Но вот он, уже горный инженер, попал в Москву на строительство метрополитена. То было начало тридцатых годов. Ох, какая седая старина!..

Потом он вспоминал сороковые годы... Шла война. Инженерные, организаторские способности метростроевца, тоннельщика служили защите Отечества. Труд его был отмечен орденами Ленина, Отечественной войны I степени и другими правительственными наградами.

Но и дальше, в пятидесятых—шестидесятых годах, он продолжал руководить строительствами крупных подземных сооружений в той же транспортной системе, продолжал вносить в дело энергию, новизну, рациональные конструктивные решения. Он стал Героем Социалистического Труда, лауреатом Государст-

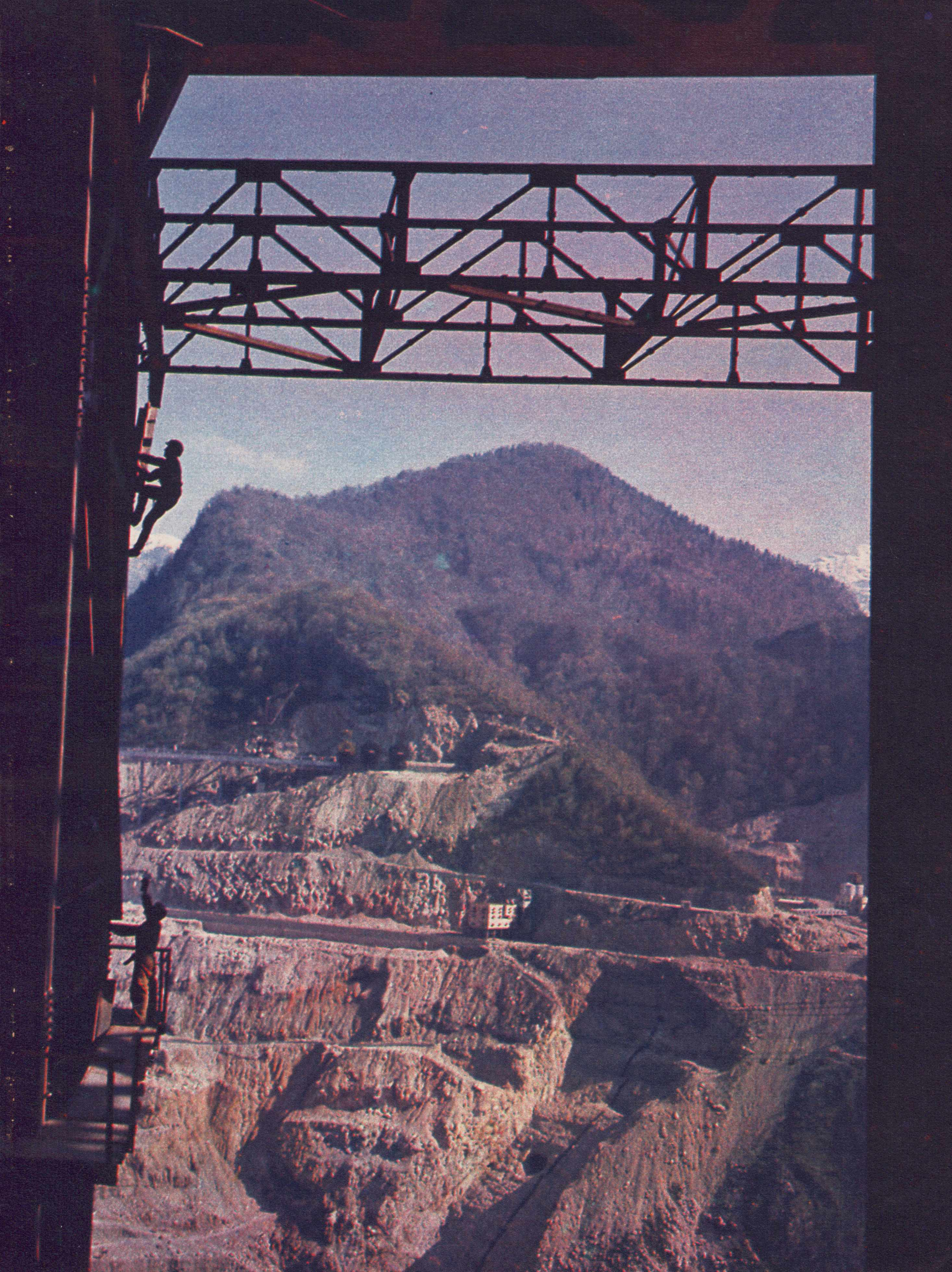
Весна. Начался сбор чая в Ингирском ордена Ленина совхозе Зугдидского района.

На развороте вкладки:

Котлован будущего исполина — высочайшей в мире арочной плотины ИнгуриГЭС.

Добрый вечер, Тбилиси!

венной премии I степени. После завершения последнего крупного строительства партия и правительство высоко оценили его труд, наградили орденом Ленина и присудили звание лауреата Ленинской премии.

После таких подземных работ на протяжении десятков лет можно, кажется, устать. И он действительно немного устал. И решил не то чтобы отдохнуть (этого и представить себе нельзя!), а просто делать что-нибудь немного полегче. Консультировать, например. И тут его позвала к себе Ингурская ГЭС, позвали те самые сказочные места детства, неузнаваемо преображенная земля Колхиды, живые, зеленые изгороди вдоль сельских дорог и горы, по которым он бродил когда-то с геологическим молотком. Все это особенно тянет, когда шесть десятков лет уже позади. Но еще больше подействовало на воображение истого инженера то удивительное, что рождается сейчас в этих местах.

ИНГУРИ

Представьте себе бурную горную реку, которая с большой скоростью несется с ледников Центрального Кавказа все вниз и вниз к плоскому блюду Колхиды, к теплым морским берегам. В ней очень много силы. Не использовать ее просто грешно. А использовать очень трудно из-за тесноты. Трудно, но можно.

Решили сделать так: перегородить ее там, где она, петляя по глубоким ущельям, хочет наконец-то вырваться на простор. Не дать ей вырваться, поставить высокую плотину между двух гор и копить море в горах. Тем временем сделать большой напорный тоннель в правой горе, как бы рабочее плечо, по которому пойдет вода. Ингурская вода ринется по этому плечу на 16 километров и там же, в недрах, по пяти трубопроводам упадет на лопасти пяти электрических машин в Генеральном здании Подземной ГЭС. Это будет первая, главная работа реки. Потом она там же, все еще под землей, снова по тоннелю покатится вниз, чтобы выйти наконец на поверхность. И здесь ее снова остановят плотиной Первой Перепадной ГЭС, снова образуют море, будут копить и выпускать воду по трем трубопроводам на турбины. После этого гор больше нет, до Черного моря идет открытый канал. Но и здесь нельзя давать воде течь просто так. На канале станут еще три маленькие ГЭС.

Впрочем, что значит маленькие? Маленькие по отношению к чему? Если к общим мощностям всего каскада, то да,— вместе взятые, они составят примерно одну четырнадцатую часть их. А если относительно самой крупной ныне действующей в Грузии ГЭС, то мощности их, опять же вместе взятые, больше ее. Еще одна «относительность» Ингурского каскада: он будет вырабатывать в год почти в два раза больше киловатт-часов, чем вырабатывают сейчас все гидростанции Грузии.

Но есть еще одно измерение, не поддающееся, однако, языку цифр,— это класс технической сложности строительства, глубина, точность и полет инженерного замысла. И с этой позиции сооружение на Ингури берет верх над многими куда более мощными стройками. Недаром, как легенда, из уст в уста блуждает тут фраза, оброненная министром П. С. Непорожним.

— Когда Ингурская ГЭС станет в строй,— будто бы сказал он, осмотрев все своими глазами,— можно считать, что все проблемы в гидроэнергостроительстве у нас будут решены.

Вот и поймите теперь, как интересно сооружать такое, ломать день и ночь голову, придумывать, мучиться, искать, находить, внедрять. Словом, прокладывать новые пути.

Если б можно было подняться сейчас над стройкой на аэростате, взору бы открылась широчайшая панорама. На Ингури стоит кораблем драга, приспособленная под добычу инертного материала, поднимает со дна гальку и песок. Около нее на берегу — обогатительная фабрика и громадные серые холмы уже готового компонента для бетона. Отсюда начинается четырехниточная канатная дорога. Она идет над ущельями мимо древней сторожевой башни, в горы, к створу плотины. Идет четыре с половиной километра. На узкой площадке каким-то чудом прилепился к склону бетонный завод со всеми своими хозяйствами. Сюда же из специального автоматизированного цементного элеватора будет поступать специальной марки цемент, созданный для ингурской плотины. Над котлованом, по обе стороны, на головокружительной высоте смонтированы эстакады 25-тонных кабель-кранов. Им предстоит укладывать бетон в тело плотины. Такая высокая арочная плотина — 271,5 метра — строится впервые в мире. Так же, как и огромный подземный машинный зал Генздания.

С высоты взору откроется новое Гальское море, которое уже наполнила в порядке взаимопомощи другая, соседняя река; и каменно-земляная плотина Перепадной-1; и новое русло, приготовленное строителями для своей трудяги-реки. И еще можно разглядеть в горах четырнадцать новых рабочих поселков и бесконечные серпантины новых горных дорог. Да неужели все это можно было наработать за какие-то несколько лет!

НА ИНГУРИ

Всего лишь года два назад приехал сюда видавший виды строитель. Облазил все на горах, под землей и в низинах и сказал себе: «Мы еще потрудимся!»

Может быть, сказал как-нибудь иначе. Уточнить не пришлось. Разговор с Эсакия длился минуты две. За это время я успела отметить, что у него ровный, спокойный тон, отсутствие лишних слов и манера, вслушиваясь, подаваться немного вперед, склоняя голову набок,— он как бы подчеркивает свое внимание к собеседнику. Впрочем, все это не так важно.

Потом Эсакия уехал на целые две недели, что, говорят, случилось тут чуть ли не впервые. Случай был особый — XXIV съезд КПСС. Он делегат и должен быть в Кремле. А стройка, разумеется, продолжалась. Ведь это только кажется, что надо быть при ней неотлучно день и ночь, как няньке при избалованном ребенке. Но как быть, если она уже избалована, если на такой сложной и весьма капризной стройке сменилось уже пять начальников? Тогда шестому, вероятно, надо сперва хорошо приучить ее к себе, раскрыть себя перед ней, отдать ей себя, заставить уважать свое слово, свою волю. И в таком случае, даже отлучившись на время, все равно присутствовать, все равно быть.

Это мы и почувствовали, поднявшись на эстакаду кабель-кранов, откуда люди в котловане казались шевелящимися песчинками. Мы ощущали ровное дыхание здорового тела. Скалолазы, обвязав себя веревками, повисали над пропастью, наводя косметику на те участки крыльев котлована, куда лягут первые бетонные блоки плотины. Бульдозеристы, выравнивающие оползни на тесных горных дорогах, работали, как трюкачи на арене цирка. Легендарными дэвами, духами Сванетии, выглядели БЕЛАЗы, таскающие ввысь тяжелые металлоконструкции. Мы опускались в бадье в самое чрево горы и трогали руками бетонированные своды Генздания. Скоро уже никому не дано будет трогать их, потому что выработка пойдет вниз и своды останутся на недосягаемой высоте. Мы ходили по громадным тоннелям, которые наполнятся ингурской водой, стояли у тихого Гальского моря и видели, как на станции Перепадной-1 монтажники копались в машинах, готовя их в путь. Со временем все это укроется, почистится, облицуется, зарастет зеленью, примет благопристойный вид, и никто не поверит, что здесь творилось такое.

А строителю свойственна жажда созидания. Да он ведь только ею и живет! Живет порой неудобно, стесненно, но, честное слово, красиво по самому большому человечьему счету.

Вот, например, начальник Управления «Тоннельстроя» Георгий Васильевич Цулейскири. Он строил не только в Грузии — его помнит и Асуан. Почетным гражданином Египта назвали арабы Тенгиза Валериановича Чубинидзе, нынешнего руководителя стройки Перепадной-1. Не первую ГЭС возводит Александр Михайлович Дьяков, начальник Управления механизированных работ. Чуть ли не сорок лет сооружает ГЭС в Грузии убеленный сединами Акакий Степанович Цнобиладзе. Сейчас он возводит Силовой Узел на Ингури и живет в горном поселке Саберио. Это его седьмой адрес. Оставил уютный кабинет в Тбилиси и Мириан Силованович Эбралидзе, начальник «Плотинстроя», тоже старейший энергостроитель, человек опытный, острый, бывалый. Все это люди, которых не надо учить, они знают дело. И все они поразному, но высказывают одну мысль: когда появился на стройке Николай Михайлович Эсакия, дело пошло лучше...

Нет, оно и раньше не стояло на месте, оно двигалось, конечно, на всех участках с тяжелым шлейфом семнадцати субподрядных организаций. Ну, а тут оно четко скоординировалось — и пошло! Планерки, совместные решения, дисциплина, требовательность и личный пример. Как много он значит, этот личный пример!

Однажды мы возвращались поздно с участка. На заднем сиденье машины люди тихо разговаривали:

— Беспокоится Николай Михайлович. Вызвал в Москву начальника Перепадной. А как же? Пусковой объект... Черта с два успели бы к юбилею республики, если б не Эсакия. И откуда только берутся у него силы? Ходит день и ночь, неизвестно, когда спит, ест...

И вдруг ворвался молодой страстный голос:

— Я счастлив, что работаю с ним! Повезло мне!.. Товарищи говорят: «В чем дело? Совсем нас забыл, совсем пропал...» Это товарищи из села. Я ведь тут рядом в селе вырос. А я им говорю: «Такой человек у нас появился, такая работа!.. Вы уж на меня не обижайтесь»...

Это говорил секретарь партийного комитета стройки Гурам Гунава. Ему тридцать лет, у него диплом экономиста и студенческий билет энергетика. И тридцать первичных партийных организаций. И он влюблен в дело и в человека, который это дело возглавляет. Гурам Гунава сплачивает коммунистов вокруг самых насущных, беспокоящих стройку проблем. Они хорошо дополняют друг друга: начальник и партком — зрелость и энтузиазм, деловитость и горячность, расчет и порыв...

Пока дойдут до вас эти строки, читатель, Эсакия уже вернется со съезда, расскажет, что видел и слышал там, и снова будет озабоченно кружить по участкам. Дни-то какие настали: два агрегата Перепадной-1 уже дали ток. Это значит, что ИнгуриГЭС вступила в строй. А на плотине вот-вот пойдет Большой Бетон. Пойдет, не смея остановиться, и будет идти несколько лет, как крупа из пробитого мешка.

Пробегут и эти несколько лет. Николаю Михайловичу придется продолжить свою своеобразную автобиографию воспоминаниями о начале семидесятых годов. В эти годы, напишет он, коллектив крупного строительства выполнял несколько новую для него, но тоже большую работу. Подробнее? Коллектив строил в Западной Грузии на реке Ингури каскад гидроэлектростанций, включающий в себя уникальные по масштабам и параметрам гидротехнические сооружения. Причем работа эта проходила в местности, весьма сложной по своему рельефу и геологическому строению... Тут, может быть, он остановится, заколеблется и все-таки припишет: в местности, сказочной по красоте. А делали работу люди очень разные по возрасту, знаниям, характеру, национальности, 12 тысяч человек. И каждого он хорошо помнит в лицо.

ОНИ ИЗ

ИХ ЗНАЕТ ВСЯ СТРАНА

Цисана Геловани, Нино Кирвалидзе, Иамзе Долаберидзе, Инга Тевзадзе — солистки заслуженного Ансамбля народного танца Грузии (руководители народные артисты СССР лауреаты Государственной премии Нино Рамишвили и Илико Сухишвили). Этому ансамблю 25 лет, он объездил более 300 городов мира.

Трехкратная чемпионка мира по шахматам среди женщин Нона Гаприндашвили вынуждена была на какое-то время отказаться от шахматных битв: родился сын Дато!

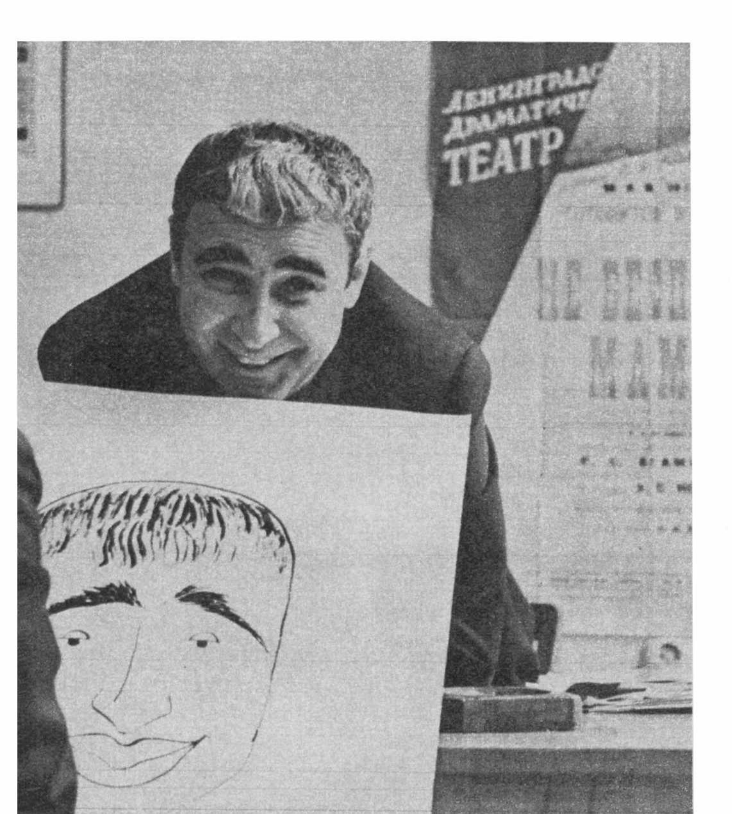
У Ноны в эти дни большая радость: ее выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета республики.

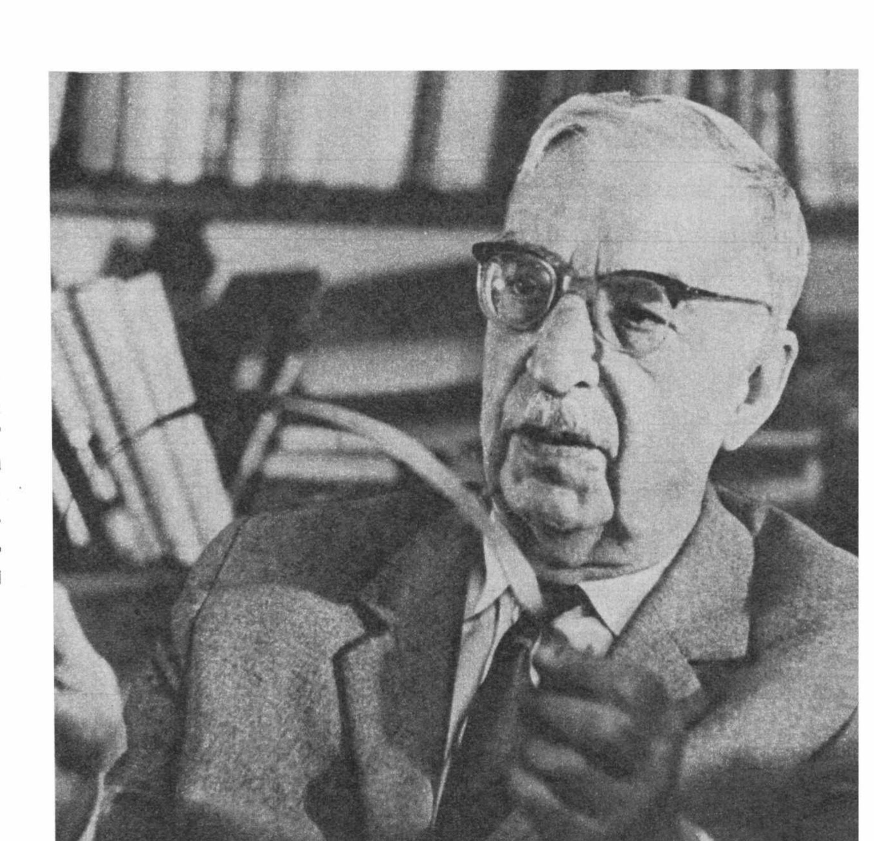
Художник, мастер карикатур Гигла Пирцхалава и писатель, лауреат премии Ленинского комсомола Нодар Думбадзе. Улыбчивые его книги издавались во многих странах мира.

ТБИЛИСИ...

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Академик Николай Иванович Мусхелишвили, создатель всемирно известной математической школы, депутат Верховного Совета СССР всех созывов, организатор и бессменный президент Академии наук Грузинской ССР.

Аркадий КАНЫКИН

Фото Г. МАКАРОВА.

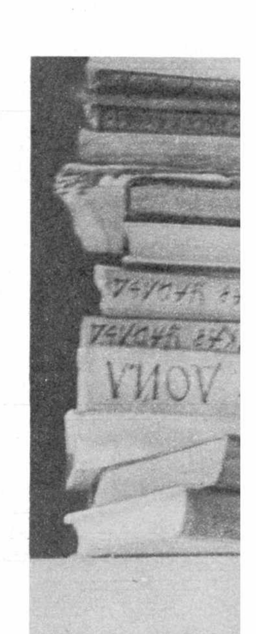
Изо всех побед моей державы
я горжусь особенно одной:
Родину свою
считать по праву
самою читающей страной!
Можно называть ее великой
только потому уже,
как чтут
книгу!
И в стране многоязыкой
я сравнил бы
право всех
на книгу
с правом завоеванным —
на труд!
Книги...
Задремавшему в коляске —
скоро несмышленышу понять:
если хочешь
былью сделать сказку,
эту сказку надо прочитать.
Книги ждут мальчишку!
И однажды
в первый неизведанный маршрут,
утоляя приключений жажду,
к островам сокровищ уведут.
И не может разве быть такое:
на рассвете девушку
весна
тех же строк,
неясно беспокоя,
помечтать заставит у окна?
Книги...
В суматохе переезда
в новый дом,
когда невпроворот
дела всем,
спокоен,
выбрав место
возле книг,
невозмутимый кот.
Сколько б намурлыкал он историй!
Выслушали б только,
как того
жителя родного лукоморья —
прадеда ученого его!
Книги...
Видим
тем ясней,
чем старше:
дом светлее делают собой
бабушки —
живые книги наши
о любви, о доброте людской.
Книги...
В поездах, в метро и в сквере,
и у сна урвать стараясь час,
мы взахлеб читаем,
ищем, веря:
книга есть для каждого из нас.
Главная —
такая,
чтобы, словно
к роднику,
всегда припасть я мог
сердцем
к нестареющему слову
солнечных пульсирующих строк.
К ней,
что ждет меня на полке где-то,
век иду,
но сколько бы в пути
ни успел прочесть я,
знаю:
эта
книга
вечно будет
впереди!

Так пришел рассвет.

К

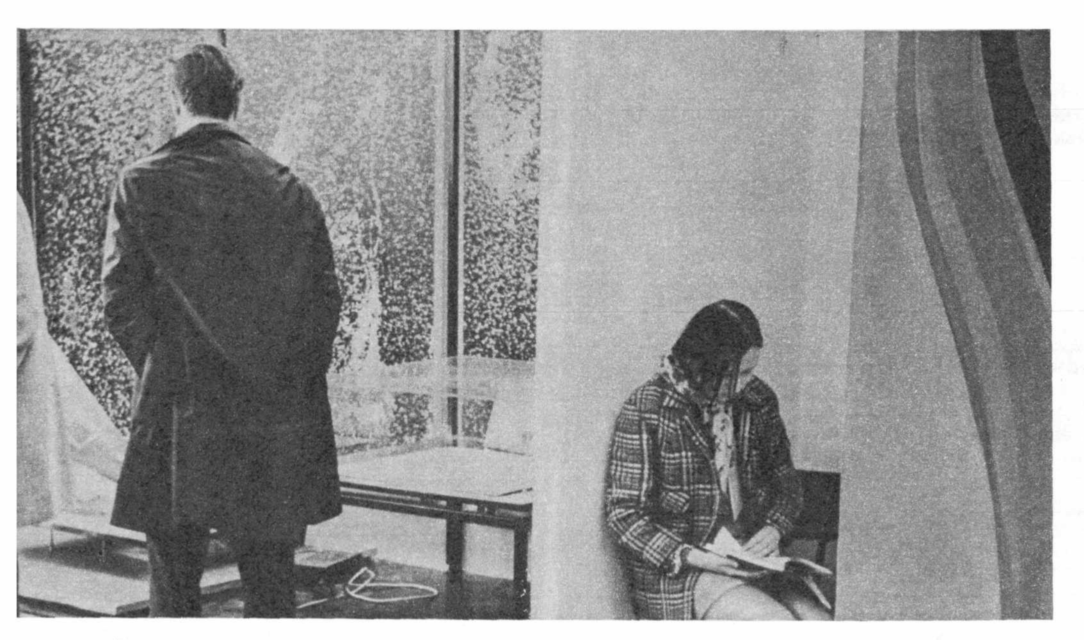

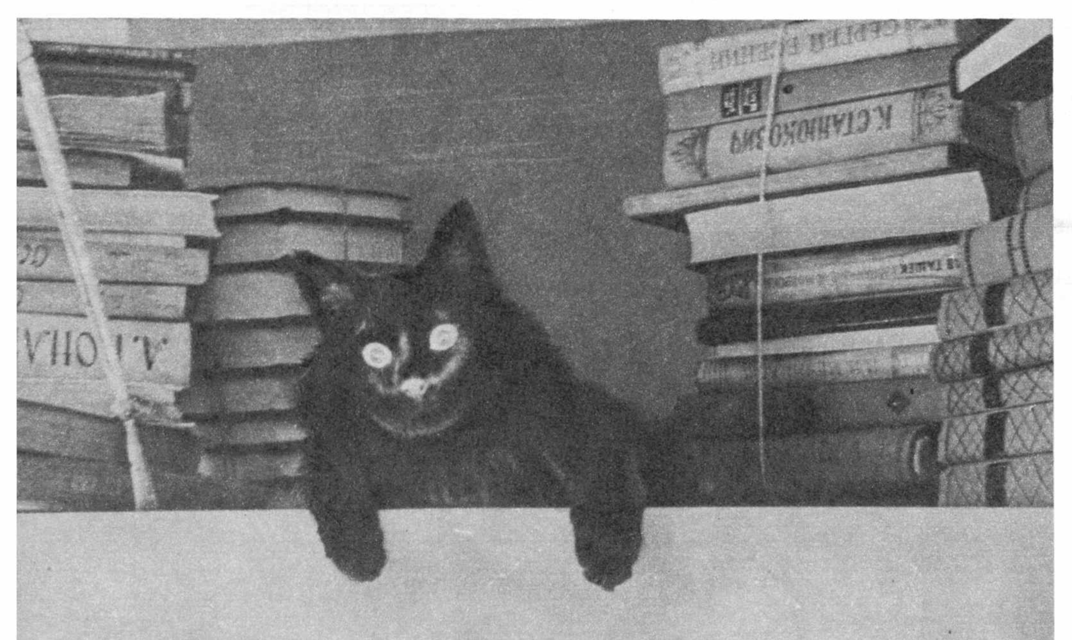
Здравствуй, книга!

НИГИ

Вдали от суетного шума.

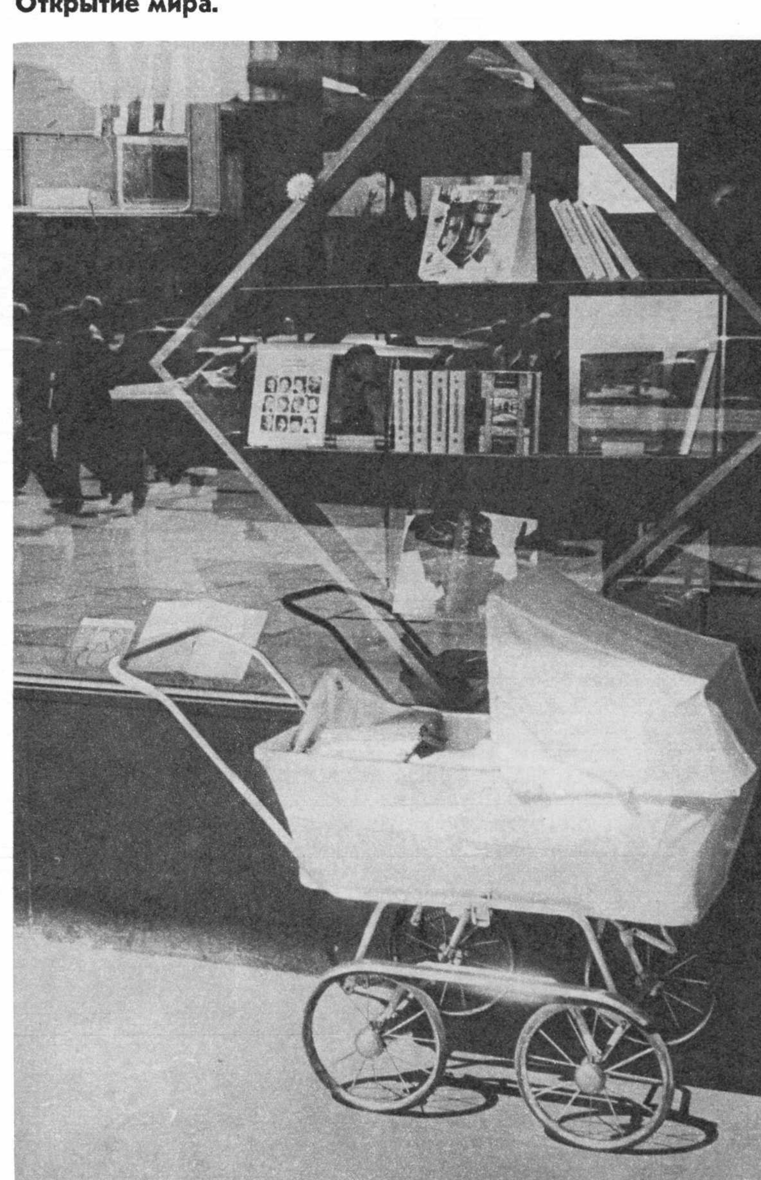
Новоселы.

Воспоминания давнего былого.

Открытие мира.

БЕЛАЯ БАБО СИГИР

Олег ИГНАТЬЕВ

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Мой друг, цейлонский натуралист, протянул плоскую коробку.

— Посмотрите, может быть, это как раз то, что вы искали?

В коробке, аккуратно пришпиленные булавками к картону, лежали бабочки.

Десятый день находился я на Цейлоне, собирая материал о быте и традициях населения этого прекрасного острова. Кроме того, мне хотелось привезти домой хотя бы несколько цейлонских бабочек. Я давно их собираю, и среди моих приятелей-коллекционеров очень ценятся цейлонские и особенно ночная бабочка с большими перламутровыми крыльями. По совести говоря, ни один из знакомых не мог похвастаться таким экземпляром, но слышали о нем буквально все.

В коробке, которую держал цейлонец, было штук двадцать разных бабочек, но белой перламутровой среди них не было.

— Это то, что вы искали? — повторил свой вопрос натуралист.

— Спасибо большое, — ответил я. — Коллекция действительно замечательная, с удовольствием ее приобрету. Единственное, чего в ней не хватает, так это ночной белой перламутровой бабочки, о которой ходят легенды.

Цейлонец засмеялся, озорно блеснув глазами.

— Вы имеете в виду бабочку Сигирии? Могу вас заверить: ее нет ни в одной коллекции за пределами Цейлона.

— Неужели, — удивился я, — никто из приезжих натуралистов, биологов или просто коллекционеров не пытался добыть бабочку Сигирии?

— Раз уж вы завели разговор о белой бабочке Сигирии, — как-то невесело улыбнувшись, произнес натуралист, — то я расскажу вам один случай. Да. Однажды белую бабочку чуть не увезли с острова.

Мой собеседник предложил мне плетеное кресло, закурил сигарету, и я услышал историю о белой бабочке Сигирии.

— Безусловно, вы слышали о нашей гордости — саде Перадении, — так начал свой рассказ натуралист. — Так вот, в этом райском уголке лет десять назад служил сначала экскурсоводом, потом простым садовником один старик, у которого был приемный сын, назовем его Джеям, тоже большой знаток нашей флоры.

Им был знаком здесь каждый кустик, каждое дерево. Они с закрытыми глазами могли пройти из аллеи эпифитов до зарослей бамбуков у Махавели-Ганг, на память перечислить сорта архидей в конусообразной теплице. Сад Перадении для них был раскрытой книгой, и оба, старик и Джеям, читали и перечитывали ее каждый день.

Старик приходил в сад раньше всех и обычно проходил к опушке, где росли его любимицы — пальмы с Сейшельских островов. Неуклюжие, невзрачные, они, вероятно, чувствовали себя смущенно и неуютно по соседству с красавицей смоковницей, королевскими пальмами и талипотами.

— Ну, ну, — говорил им старик, поглаживая шершавые стволы, — уж больно медленно вы растете. Вот умру я, кто будет за вами ухаживать?

Пальмы тихо шелестели своими веерами и, как казалось садовнику, даже чуть-чуть вздыхали. А потом старик заглядывал к администратору, брал несколько путеводителей и садился у входа.

Экскурсанты, как правило, появлялись не раньше одиннадцати. Старик с первого взгляда угадывал в них знатоков природы, ботаников. К ним у него было особое отношение — он готов был часами водить их по саду, раскрывая чудеса Перадении.

Старик был бы незаменимым работником для администрации сада, если бы не один его недостаток — очень плохое знание английского языка. За год до событий, о которых пойдет речь, место старика занял новый экскурсовод, приглашенный из Коломбо, а старика перевели в садовники. Обижен был до глубины души, но не жаловался и не протестовал. Только по утрам навещал своих любимиц — сейшельские пальмы, дольше прежнего разговаривал с ними, видимо, сетуя на судьбу.

Джеям догадывался о большой обиде старика, но, как и подобает младшему, делал вид, что не замечает переживаний человека, втрое старше его.

Джеям учился на последнем курсе биологического факультета университета города Канди и познакомился со стариком лет пятнадцать назад, когда сам еще бегал с приятелями в Перадению, рассчитывал заработать рупию, оказав услугу туристам, или, на худой конец, получить миску кари от садовников, помогая им таскать ящики с саженцами и рассадой. Мальчишка понравился старику, и он мало-помалу стал водить его на экскурсии, заставляя повторять названия диковинных деревьев и растений, приучая чувствовать себя хозяином всех трав, цветов и деревьев.

Старик поселил Джеяма у себя, купил кусок батика и сшил ему комбой [1]. Потом отправил мальчишку в школу.

Как и большинство сингальцев, старик придерживался буддистских обрядов, но приучить Джеяма ходить в буддистский храм так и не смог. Да он и сам не придавал особого значения совершаемым там церемониям и, только когда предстояло принять какое-нибудь ответственное решение, отправлялся в «Далала Малигава» поклониться знаменитейшему Зубу Будды.

Джеям окончил школу. Ему удалось поступить в университет и даже завоевать право на получение одной из немногочисленных государственных стипендий. Все свободное время он проводил со стариком, помогая ему ухаживать за садом.

Однажды старика позвали к администратору и там представили одному англичанину. Разговор начался несколько необычно.

— Спросите, — сказал англичанин, обращаясь к администратору, — правда ли, что он коллекционирует цейлонских бабочек?

Администратор перевел на сингальский вопрос гостя.

Действительно, старик много лет собирал бабочек и дома хранил в деревянных коробках около ста восьмидесяти штук, доставленных со всех уголков Цейлона. Большинство экземпляров было добыто Джеямом, который исколесил вдоль и поперек заповедник Урухуну, посетил Джафну, прекрасно знал Нувара-Элио и Матара, несколько раз ходил со стариком в Сигирию. Он изучал растения родного Цейлона и попутно собирал бабочек. Тот, кто любит природу, не может остаться равнодушным, рассматривая тонкие переливы бархатистых крыльев, их необычайно изящную раскраску. Часто бабочек сравнивают с орхидеями, и когда бабочки садятся на лепестки орхидей, то те склоняются просто потому, что признают их неоспоримое превосходство.

Лучших бабочек Джеям и старик оставляли для себя, а остальные рассортировывали по коробочкам и предлагали туристам, останавливавшимся в «Куинс отеле». За ко-

[1] Национальная одежда, похожая на длинную юбку.

ЧКА
ИИ

робку с двумя десятками бабочек не раздумывая давали по пятнадцать рупий.

Вот почему старик с готовностью ответил, что у него есть небольшая коллекция и если господин желает, то может прийти посмотреть ее.

Англичанин попросил старика принести бабочек в отель, вместо того чтобы тащиться куда-то по темным улочкам Канди.

Но старик уперся на своем, повторив несколько раз, что при переноске можно повредить бабочек, сбить пыльцу.

Видно было по всему, что англичанину не хотелось идти в гости к «какому-то сингальцу», но страсть коллекционера взяла верх. Джентльмен достал визитную карточку и протянул старику...

— Спросите Эрнеста Макквея, эсквайра. Это я, Эрнест Макквей, эсквайр. В восемь часов заходите за мной.

Старик взял карточку, спрятал ее в складках комбоя, поклонился и вышел.

Спустя некоторое время он опять уже собирал опавшие листья и мелкие сучья на главной магистрали ботанического сада около аллеи канариумов. Старик, казалось, был целиком погружен в работу, и лишь один раз по губам его пробежала улыбка. Вероятно, он вспомнил нерешительность англичанина, когда сингалец осмелился пригласить его «в гости».

Вечером старик вошел в вестибюль «Куинс отеля» и присел на краешке кресла. В холле помощница портье, красивая девушка в бледно-фиолетовом сари, что-то считала, склонившись над арифмометром. На потолке бешено крутились фены, и длинные лопасти создавали приятную прохладу. Старик увидел, как из ресторана вышел «его» англичанин, и встал с кресла.

— Добрый вечер, господин.

— Добрый вечер, добрый вечер. Ну как, далеко нам нужно идти до твоего дома?

— Нет, совсем близко.

Выйдя из отеля, они прошли берегом пруда, пересекли парк, обогнули храм Зуба Будды и свернули в узкую, темную улочку. Подойдя к крошечной хибарке, старик отворил калитку и попросил туриста войти. Откинув циновку, хозяин зажег коптилку. Слабый огонек осветил маленькую комнату, где под полкой с кухонной утварью висели деревянные коробки.

Старик открыл крючки коробок, откинул крышки, и на стене засверкали бабочки. При мерцающем свете коптилки они переливались всеми цветами радуги, то затухая, то возникая блестящими искорками. Англичанин вмиг утратил невозмутимость. Минут десять он молча созерцал сокровище и затем, обернувшись, произнес:

— Хау мач? Сколько?

Старик отрицательно покачал головой, и весь вид его показывал, что ни за какую сумму он не расстанется со своей коллекцией. Мистер Макквей не стал настаивать, но опять погрузился в рассматривание бабочек. Особое его внимание привлекла одна, белого цвета, как бы покрытая перламутром.

— Сигирия найт баттерфляй. Ферст класс [1],— пояснил старик.

— Знаю, знаю,— кивнул англичанин и спросил, правда ли, что в районе Сигирии попадаются такие ночные бабочки.

— Да,— подтвердил старик,— но их трудно достать, хотя я знаю место, где можно найти такую бабочку.

Мистер Макквей взял старика за руку. Ему должны поймать большую белую бабочку Сигирии и привезти не позже чем через три дня в Канди. Макквей за доставленный экземпляр платит пятьдесят рупий и уже сейчас выкладывает восемнадцать рупий сверх обещанной суммы на железнодорожный билет до ближайшей от Сигирии остановки.

Старик немного помолчал, обдумывая слова англичанина, и сказал, что окончательный ответ даст утром. Ему надо было посоветоваться. Пятьдесят рупий — сумма немаленькая. Это больше, чем месячный заработок в саду Перадении. А тут пятьдесят рупий за один экземпляр. Никогда раньше он и его друзья не принимали подобных предложений.

Старик проводил англичанина в отель и, вернувшись, увидел дома свет.

— Извини, что пришел так поздно,— сказал Джеям.— У меня в университете неприятность. Я случайно разбил лабора-

[1] Ночная бабочка Сигирии. Первый класс (англ.).

торный прибор, и меня на два месяца лишили стипендии. Вероятно, придется бросить учебу и поработать. Накоплю деньги и тогда сдам экзамены.

— Джеям, ты много потеряешь!

— Может быть, но без моей стипендии мы не проживем, а где взять сорок рупий на новый прибор?

— Я только что договорился об одном «бизнесе», который даст тебе не сорок, а целых пятьдесят рупий всего за три дня работы.— И старик рассказал о предложении Эрнеста Макквея, эсквайра.

На другой день рано утром они отправились на станцию. Перед отъездом старик сходил в «Далала Малигава» — храм Зуба Будды, потому что нельзя совершать ответственный шаг и рассчитывать на успешный исход, не поклонившись предварительно Зубу Будды в «Далала Малигава».

Сойдя с поезда в Матала, километрах в тридцати от Канди, они двинулись по извилистой дороге, рассчитывая перехватить попутный автобус. По обеим сторонам шоссе насколько хватало глаз холмы были покрыты зеленым ковром чайных кустов. Между ними сновали женщины — сборщицы листа с корзинками за спиной.

Путники прошли километров семь, прежде чем их догнал автобус. Когда они высадились, начало темнеть. В тропиках темнеет быстро — не прошло и пятнадцати минут, как на небе появились звезды, а вдалеке черной махиной проступила громада скалы Сигирии. Старик был знаком с поваром рестхауза и рассчитывал у него переночевать. Жара чуть-чуть спала. По обеим сторонам дороги мелькало множество светлячков. Если поймать несколько штук и положить в узелок, то можно не пользоваться фонариком: настолько сильный свет они излучали.

Знакомый сингалец устроил их на ночлег в сарае, где были сложены дрова для кухни. Старик долго еще ворочался, прислушиваясь к крикам шакалов, которые то лаяли, то хохотали, то стонали, совсем как люди. Заснул далеко за полночь и потом рассказывал, что во сне видел большую белую бабочку Сигирии.

Под утро кто-то тихонько дотронулся до его руки. Старик приоткрыл веки и увидел маленькую пятнистую лань. Она смотрела широко, по-детски вытаращенными глазами и беспомощно тыкалась мягким, чуть влажным носом в его ладонь. Заметив движение человека, лань тихо фыркнула и спокойно, с достоинством вышла из сарая. Старик растормошил крепко спящего Джеяма. Они вышли из помещения с узелками, перекинутыми на палке через плечо. Воздух был кристально чистым, небо своей синевой могло поспорить с сапфирами Ратнапуры, и махина Сигирии, голая, мрачная, четко вырисовывалась на горизонте.

Они потратили около часа, пока добрались до подножия скалы. Нужно было достигнуть верхнего плато. Для юноши это не составляло труда, а вот для старика... Чтобы добраться до вершины, надо было сперва пройти по каменной лестнице, затем, повернув налево, подниматься вдоль склона, пока не окажешься на противоположной стороне Сигирии у лап «льва Кекьяны», горельефа, высеченного в скале. Отсюда до самой вершины нет удобных ступенек, и взбираться приходилось, цепляясь за вбитые в расщелины крючья, скрепленные тонкой проволокой. Старик тяжело дышал.

Джеям предложил поставить ловушку около фресок.

Старик покачал головой.

— Нет, там затишье, и потом, скоро придут экскурсанты, нас прогонят. Полезем наверх.

Последний подъем преодолели минут за пятнадцать. Закончив восхождение, старик довольно подмигнул, хотя видно было, как пот градом катился по его лицу. С вершины Сигирии, где лежали древние развалины, открывался изумительной красоты вид.

Старик положил узелок и присел на корточки, отдыхая после трудного пути.

— Ты знаешь,— обратился он к Джеяму,— есть такая легенда, а может быть, это правда, что белые бабочки, за которыми пришли мы, летают лишь там, где жили прекрасные женщины, пленницы царя Касяпа. Фрески, что сохранились на стене под скалой,— это их портреты. А здесь, на месте развалин, полторы тысячи лет назад был царский дворец.

Стали ждать захода солнца. Белая бабочка прилетит сюда в темноте, если вообще захочет откликнуться на их мольбы и поймет, сколько надежд связано с ее перламутровыми крыльями.

Старик перенес сачки к краю платформы, выбрал около одной из разрушенных стен местечко потенистей и улегся.

В седьмом часу мгла опустилась над Сигирией. Старик встал, зажег фонарик и поставил его под марлевый колпак. Бабочки должны прилететь на свет.

Не прошло и нескольких минут, как Джеям встрепенулся и схватил старика за руку.

— Они уже здесь!

Три крупные белые бабочки бегали по марле, пытаясь проникнуть внутрь, поближе к язычку пламени. А из темноты подлетали все новые и новые. Казалось, все вокруг заполнено шуршанием перламутровых крыльев. Большинство стремились прямо к колпаку и, ослепленные светом фонаря, садились на марлю.

Джеям потянулся за марлевым конусом, но поскользнулся, и фонарь чуть не упал с края платформы. Бабочки, вспорхнув на несколько секунд, снова сели на марлю.

— Зачем ты так волнуешься?—спокойно произнес старик.— Не торопись.

Поймать бабочек не представляло большого труда. Размах крыльев каждой достигал двадцати сантиметров. Возникло даже опасение, войдут ли они на растяжку.

Чтобы не терять понапрасну времени, решили, не дожидаясь рассвета, отправляться в обратный путь. Первым, бережно держа коробку с добычей, быстро спустился к площадке Джеям. Спутник его немного отстал, осторожно нащупывая удобные выбоины в гранитной скале, не выпуская из рук проволочные перильца.

Беда пришла неожиданно. Когда до площадки осталось метров пять, Джеям услышал крик, и в ту же секунду рядом с ним на острые осколки гранита, которыми была усеяна площадка, рухнул старик. Джеям бросился к нему, схватил безжизненно лежавшую руку, пытаясь нащупать пульс, положил его голову к себе на колени.

Веки старика задрожали, и он открыл глаза.

— Джеям, как неудачно получилось.

— Вам больно, отец?

— Я что-то себе повредил внутри. Мне трудно дышать.

— Обопритесь на меня и попробуйте дойти до подножия. Хотя нет, я вас понесу. Здесь дорога хорошая.

— Что ты, мой мальчик, я дойду сам.— Старик попытался подняться, но тут же застонал и сел.

Джеям сложил в один узелок все вещи, упаковал в него же коробку с бабочками, повесил через руку и осторожно поднял старика.

Во время спуска старик несколько раз терял сознание. Добравшись до подножия скалы, юноша положил старика на скамейку и побежал за помощью в рестхауз. Повар перетаскивал какие-то ящики из маленького «пикапа» и удивился, заметив бегущего к нему Джеяма.

— Что-нибудь случилось?

— Да, отец упал. Ему очень плохо. Нужно на чем-то перевезти его сюда.

Повар всплеснул руками.

— Поди ты, какое несчастье! А может быть, его лучше отвезти прямо в Канди?

— Видите ли, у нас не хватит денег. Всего есть восемь рупий.

Повар возмутился:

— Как тебе не стыдно, юноша, заводить разговор о деньгах. Мой сын поведет этот автомобиль в Канди за продуктами. Мы удобно устроим старика сзади. Через несколько часов вы будете дома, и завтра оба сможете смотреть шествие слонов на празднике Пераэра.

Джеям угрюмо глядел на повара: какой уж тут праздник.

...Машина мчалась по безлюдной дороге в Канди. Старик лежал, сжавшись, и только время от времени тихонько стонал. Мимо проносились бесчисленные холмы, покрытые чайными кустами, террасы полей, спящие деревушки. И только в окнах некоторых чайных фабрик горел свет и слышался мерный стук мотора.

Светало, когда «пикап» проехал по пустынным улицам Канди и остановился в улочке около «Далала Малигава». Джеям осторожно перенес старика в комнату, положил на циновку, и тот сразу же заснул. Джеям решил тоже хоть несколько минут отдохнуть. В полузабытьи он нервно вздрагивал, метался, а перед закрытыми глазами кругами летали белые бабочки, и какой-то иностранец с сачком в руке пытался достать самую большую из них.

Проснулся Джеям от громкого стука барабанов и пения флейт. На соседней циновке старик лежал с открытыми глазами.

— Как себя чувствуете, отец?

— Лучше, мой мальчик. Но тебе придется самому отнести бабочку англичанину. Дай ему самую лучшую. Две других оставь для нашей коллекции.

Юноша развернул узелок, раскрыл коробку...

— Отец, у одной слетела пыльца.

— Неважно. Сходи сейчас, а то он уйдет смотреть шествие слонов. Сегодня же праздник Пераэра...

Джеям подошел к двери «Куинс отеля». Англичанин стоял в холле возле конторки портье, меняя фунты стерлингов на рупии. Рядом сидела в кресле какая-то дама, по всей видимости, жена Макквея.

— Вы мистер Макквей? — спросил Джеям.

Макквей открыл коробку, и лицо его расплылось в улыбке. Дама встала с кресла и через плечо мужа стала рассматривать бабочку.

— Передайте старику, что я очень доволен, и вот,— Макквей положил коробочку на низенький столик, вытащил бумажник, отсчитал несколько банкнот и протянул Джеяму,— отдайте ему эти десять рупий.

— Но, мистер Макквей,— сказал Джеям,— вы обещали пятьдесят.

Дама всплеснула руками.

— Какая наглость, Эрнест, прогони этого хама, или он ничего не получит!

Макквей, наступая на Джеяма, закричал:

— Я знаю лучше, сколько мне нужно платить! Неужели какой-то сингалец осмелится указывать, сколько и кому я должен?

И тогда произошло вот что. Джеям взял лежащую на столе коробку, открыл ее и, не глядя на Макквея, провел рукой по крыльям бабочки, стерев перламутровую пыльцу. Затем, приблизившись вплотную к опешившему англичанину, сунул ему в карманчик пиджака десять рупий, вытер запачканные пыльцой ладони о бритые щеки англичанина, повернулся и вышел из холла на улицу.

— Как, сынок,— спросил старик,— выполнил ли ты поручение?

— Да, отец.

— Доволен ли ты, Джеям?

— Да, отец.

Старик улыбнулся и прошептал:

— Выходит, не зря ходил я в «Далала Малигава» поклониться Зубу Будды.

На улице слышался грохот барабанов и гортанные крики погонщиков слонов. Начинался праздник Пераэра.

Натуралист закончил свой рассказ, подошел к раскрытому окну и закурил еще одну сигарету.

— И больше никто,— спросил я,— не пытался достать белую бабочку Сигирии?

— Нет,— ответил натуралист.— Отец вскоре умер. Я храню его коллекцию, но после поездки в Сигирию поклялся никогда больше туда не ходить и еще дал себе слово, что ни одна белая бабочка Сигирии не покинет пределов острова с моей помощью.

А. Мордань. СТРОИТЕЛЬ. Правая часть триптиха «СТРОИТЕЛИ».

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

Н. Новиков. ВЕСЕННИЕ ЗАБОТЫ.

Выставка «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС»

5. ИЮЛЬ, 1942. БЕРЛИН, МАТЕЙКИРХПЛАЦ.

Здание абвера на Тирпицуфер, 74, славится запутанностью своих переходов. Его перестраивали по меньшей мере десять раз, и каждый архитектор привносил что-то свое: в результате коридоры сплелись в хитроумный лабиринт, давший повод острякам из окружения адмирала Канариса окрестить резиденцию абвера «лисьей норой».

Обер-лейтенант Шустер, бывая на Тирпицуфер по делам службы, всякий раз долго плутает по этажам, прежде чем добирается до нужной комнаты. Время, затрачиваемое на это, он считает бездарно потерянным и поэтому покидает штаб-квартиру, как правило, в состоянии крайнего раздражения. Но сегодня он настолько взволнован, что находит дорогу к выходу почти механически и садится в свой маленький «оппель-кадет» в состоянии, близком к прострации. К себе, на Матейкирхплац, он едет раз и навсегда заведенным путем — через Бендлерштрассе, но не потому, что так ближе, а единственно, чтобы бросить взгляд на изъеденный временем красный фасад бывшего военного министерства. В этом здании служили его дед, отец и двоюродный брат. В этом здании служил бы и сам Шустер, не попади в опалу генерал-фельдмаршал фон Бломберг, покровитель его семьи. Единственное, что старый полководец успел сделать для Шустера, прежде чем покинуть в 1938 году по требованию фюрера пост военного министра, это порекомендовать его лично адмиралу Фридриху Вильгельму Канарису, и с тех пор обер-лейтенант тянет лямку в отделении «Восток» радиоабвера на Матейкирхплац. В нынешнем году, кажется, наконец улыбнулась удача: начальник отделения убыл с повышением в центральный аппарат, и Шустер занял его место. Серьезное назначение для офицера в двадцать шесть лет!

Радио-абвер — организация особая. В распоряжении Шустера все средства радиоперехвата, стационарные и передвижные пеленгаторы, дешифровальная группа и специально приданное подразделение — два взвода 621-й роты радионадзора. Другие два подчинены капитану фон Моделю, начальнику отделения «Запад».

До недавних пор именно Модель занимался ПТХ. Точнее, он занимается ими и сейчас, но с нынешнего дня будет действовать в тесном контакте с Шустером. Так распорядился сам адмирал. Шустер, вызванный на Тирпицуфер, меньше всего думал о ПТХ. Его операторам приходилось, конечно, натыкаться в эфире на передатчики с этими позывными, но, поскольку работали они из Бельгии и Франции, материалы перехвата Шустер, не занимаясь расшифровкой, передавал по принадлежности фон Моделю. Абвер именно потому действовал четко и точно, кто каждый его сотрудник интересовался только тем, что входило в круг его прямых обязанностей. Не более.

На Бендлерштрассе шофер сбавляет ход и оглядывается: иногда Шустер приказывает ненадолго затормозить перед зданием. Но сегодня приказа нет, и «оппель» опять набирает скорость.

Черная кожаная папка, лежащая на коленях обер-лейтенанта, весит немного, но Шустеру кажется, что она отлита из чугуна. В ней два десятка листков тонкой глянцевитой бумаги, помеченных черным штампом: «Совершенно секретно! Государственной важности. Только по принадлежности. Абвер-III». Материалы такого рода Шустеру прежде не приходилось видеть. Они поступали к тому, кому были адресованы,— начальнику Третьего управления абвера генерал-лейтенанту Францу фон Бентивеньи, и им же лично переданы сегодня Шустеру в кабинете адмирала Канариса.

— Надеюсь,— сказал адмирал,— у вас крепкие нервы, обер-лейтенант. Из того, что вам станет ясно через несколько часов, не следует делать вывода, что мы беспомощны. О нет! Противник, бесспорно, опасен, он проник в некоторые области, достаточно запретные, но тем не менее это не значит, что он знает все...

Фон Бентивеньи в своем кабинете был откровеннее.

Тяжело опираясь подбородком на сцепленные пальцы, он говорил с беспощадной прямотой, не оставлявшей у Шустера надежд на то, что в случае неудачи ему удастся не слишком испортить карьеру.

— Похоже, что информаторы ПТХ сидят в штабах и в окружении фюрера. Дешифрована часть радиограмм, но и этого достаточно, чтобы ужаснуться. Именно так, Шустер,— ужаснуться и отложить в сторону все менее важное, чем ПТХ... Хотите что-то сказать?

— Если господин генерал позволит, я хотел бы знать, где находится корреспондирующая станция.

Фон Бентивеньи пожевал бледными губами.

— В Москве. Ее позывные — КЛМ и КЛК. В папке это есть...

Он встал и вяло выбросил вперед руку.

— Хайль Гитлер...

— Хайль!

Шустер вышел из кабинета, всей спиной ощущая на себе тяжелый взгляд генерала. Это противное ощущение преследовало его и в машине и у себя, на Матейкирхплац, где он несколько минут неподвижно просидел за столом, не решаясь открыть папку.

Наконец решился.

Первый листок—расшифрованная радиограмма.

«КЛК от ПТХ 2606, 3 часа 30 минут, сопр. 32, № 210. 8 сентября 1941 года. Профессору. Зенитные пушки калибром 20 миллиметров типа SS-404 патент Биркигт. Длина ствола 80 калибров. 600—700 выстрелов в минуту. Начальная скорость снаряда...»

И это все? Заурядная военная информация, доступная рядовому разведчику. Неужели из-за подобных радиограмм могли волноваться адмирал и фон Бентивеньи? Идет война, и русские, естественно, забрасывают в германский тыл своих людей, и те, что тоже естественно, добывают кое-какие сведения об армии и вооружении. Шустер без особого интереса заглядывает в конец, ищет подпись. «Марат».

Еще один листок.

«КЛК от ПТХ... Новое наступление на Москву не является следствием стратегического решения, а результатом царящего в германской армии плохого настроения, вызванного тем, что не достигнуты поставленные 22 июня цели. Вследствие сопротивления советских войск от плана I «Урал», плана 2 «Архангельск — Астрахань», плана 3 «Кавказ» пришлось отказаться... «Марат».

Еще листок.

«КЛК от ПТХ... 10 декабря 1941 года... Германская авиация насчитывает сейчас 22 тысячи машин первой и второй линии, кроме того — 6 000 — 6 500 транспортных самолетов «юнкерс-52». В настоящее время в Германии ежедневно выпускается 10—15 пикирующих бомбардировщиков. Соединения бомбардировочной авиации, которые до сих пор базировались на острове Крит, отправлены на Восточный фронт, часть — в Крым. Потери Германии на Восточном фронте с 22 июня до конца сентября — 45 самолетов в день. Новый истребитель «мессершмитт» имеет две пушки и два пулемета. Все установлены в крыльях. Скорость 600 км/час. «Марат».

«...12 декабря... К началу ноября на период зимы фронт германской армии запланировано установить по линии Ростов — Смоленск — Вязьма — Ленинград. Немцы бросили в бои против Москвы и в Крыму всю технику, какая имелась. Учебные полигоны и казармы в Германии почти совсем пусты. «Марат».

Мистификация?.. Шустер не последняя пешка в абвере, но он ни в малейшей степени не бывает посвящен в планы ОКВ[1], еще меньше он осведомлен о потерях Германии и о мощности ее авиапромышленности. Во всей стране только несколько человек имеют доступ ко всему комплексу информации, связанной с войной. Фон Бентивеньи прав — «Марат» находится где-то в центре, в одном из самых высших штабов.. А может быть, в рейхсканцелярии?

Плотные скользкие листы легко отделяются друг от друга. Шустер словно завороженный читает текст за текстом. Он ловит себя на мысли, что из радиограмм «Марата» узнал за один час больше, чем за последние месяцы в разговорах с сослуживцами и отпускниками с фронта. Чего стоит, например, такая информация:

«...Серьезные разногласия в ОКВ по поводу операций на юге Восточного фронта. Господствует мнение, что наступление в направлении Сталинграда бесполезно. Ставится под вопрос успех кавказской операции. Гитлер требует наступления на Сталинград, его поддерживает Геринг».

Кто мог присутствовать при разговоре Гитлера с Герингом? Или с кем из доверенных лиц поделились замыслами фюрер империи и ее рейхсмаршал? Шустер закрывает глаза, и ему становится страшно. Где-то рядом — враг! Он подслушивает мысли, он читает их. Черный человек с плаката министерства пропаганды, и подпись под плакатом: «Тс-с-с!»

На схеме, приложенной к текстам, красные кружки и надписи: «Марсель», «Лилль», «Брюссель»... Все это — ПТХ. По-видимому, целая система передатчиков, неведомым образом связанных между собой. Под последней расшифрованной радиограммой номер, близкий к четырехзначному. Расшифровано же не более четырех десятков. Что содержалось в остальных?

Только теперь Шустер начинает понимать, какими последствиями грозит неудача с поисками ПТХ. Для Германии и лично для него. Для него в особенности. Надо немедленно связаться с Моделем и выяснить, какими данными тот располагает. Но Модель во Франции,— так сказал генерал. Подавать ли рапорт о командировке?

Шустер прячет папку в сейф и раздергивает шторки на стенной план-карте. Радиопеленгаторы отмечены на ней синими значками. Вильгельмсгафен, Ганновер, Лангевартен, Кранц, Гессен и Пульсенитц. Здесь стационарные установки. В экстренных случаях разрешается опираться на сеть пеленгаторов ВВС в Коббельбурге возле Кенигсберга, в силезском Штригау, Будапеште и Констанце. Несколько установок имеют и военно-морские силы.

Чего сумел добиться Модель?

Шустер немного романтик и фантаст в духе старика Гоффмана. Система ПТХ представляется ему в виде дома без адреса и входа. И без ключа. Так нагляднее. И все-таки адмирал тысячу раз прав: не надо преувеличивать силы противника и преуменьшать свои. Рано или поздно Шустер проникнет в этот дом без ключа, ибо сказано в писании: «Толцыте да отверзется!»

Заперев сейф и аккуратно задернув шторки, Шустер садится за стол и почерком первого ученика пишет рапорт начальнику абвера-III с просьбой о командировке. О соблазнах, ждущих его в Париже — дорогих отелях и девочках,— он старается совсем не думать.

6. АВГУСТ, 1942. БРЮССЕЛЬ, ЛЕОПОЛЬДКАЗЕРН.

— Национальность?

— Француз.

— Ложь! Где родился?

— В Ницце.

— Еще одна ложь! Вы были в испанских интербригадах?

— Не приходилось.

— Снова ложь, Гро! И как вам не надоест?

Модель, прищурившись, смотрит на радиста. После недельного пребывания в ведомстве комиссара Гаузнера Гро, как ни странно, выглядит сравнительно бодро. Правда, нос у него перебит и левая рука в бинтах, но глаза полны жизни, и он не отказался от рюмки коньяку. Выпил быстро, словно бросая Моделю вызов: смотри, я сохранил себя и даже не потерял вкуса к хорошей выпивке.

Гаузнер вызвал Моделя телефонным звонком. Это было удивительно некстати — в кабинете сидел Шустер, прибывший из Берлина с полномочиями, подписанными Канарисом и бригадефюрером Шелленбергом из Управления заграничной разведки РСХА. Моделю совсем не улыбалось начинать совместную работу с обер-лейтенантом с показа своих неудач, но

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18, 19.

[1] Оберкоммандо дер вермахт (ОКВ) — штаб оперативного руководства вооруженными силами фашистской Германии.

Шустер был клеек, как липучка, и пришлось его везти с собой в гестапо.

У Гаузнера, державшегося в Леопольдказерн, словно божок, их ждал приятный сюрприз. Из Виши, Марселя и от испанской секретной службы пришли ответы на запросы, и Модель на этот раз без внутреннего сопротивления согласился с Гаузнером, что да, гестапо работает быстро и продуктивно. Гаузнер чувствовал себя триумфатором и предложил Моделю самому вести допрос, оставив за собой обязанности протоколиста.

Он и сейчас сидит за машинкой, делая вид, что все происходящее его нисколько не касается. Отсутствующий взгляд его бродит по потолку, по стенам, надолго задерживается на портрете Гиммлера в полевой форме рейхсфюрера СС.

Модель фаберовским карандашиком постукивает по пустой рюмке.

— Еще коньяк, Гро?

— Не откажусь.

— Смотрите не опьянейте.

Гро с трудом улыбается одной половиной лица.

— Мне нечего терять, господа!

— Хорошо... Начнем сначала еще раз. Итак, вы француз?

— Я уже ответил — да.

— Уроженец Ниццы, сын Луи Сердана-Гро и Софи-Луизы Шуккерт?

— Это записано в документах.

— Только в тех, что нашли при вас,— любезно уточняет Гаузнер и вновь упирается взглядом в мундир рейхсфюрера.

— А как вас звали в Марселе? — спрашивает Модель.— Жорж Фланден?.. Ну, а в Испании?

— Я не был в Испании.

— Были, Гро!

— Это важно?

— Скажем — существенно. Если окажется, что лейтенант Люк из Мадрида, Жорж Фланден из Марселя и житель Брюсселя Гро — одно лицо, это значительно приблизит нас к истине. Тогда я, может быть, назову четвертое имя, и оно окажется тоже вашим.

— Какое же?

— Михаил Родин из советской военной разведки. Или это еще один псевдоним?

— Не знаю такого!

— И Профессора? И в Москве на Знаменке, 19, вы, само собой, никогда не бывали?.. Не упрямьтесь, Гро!

— Опять третья степень?

— А разве к вам ее применяли? Разве комиссар...

— Ерунда...— лениво произносит Гаузнер и останавливает на Моделе сонный взгляд.— Считайте, что мы еще и не начинали!

Модель коротко кивает.

— Вот видите, Гро, как вы ошиблись... Но если абвер отступится и вы лишитесь его покровительства, то ничто не убережет вас от дороги на Голгофу.

— Христос терпел...

— Позвольте мне? — скрипуче вмешивается Шустер.— Какое звание в РККА вы носили: капитан, майор, полковник?

— Я француз.

— В Испании вас считали англичанином, в Марселе — бельгийцем, в Бельгии — французом. Это, конечно, удобно. Но вы были и есть русский, и это единственно верно. Я не жду ни подтверждения, ни отрицания. В конечном счете мы обойдемся и без ваших показаний, хотя — не скрою! — они нам очень пригодились бы сейчас. В системе ПТХ вы были не простым радистом, и ваше руководство направило Михаила Родина в Брюссель не для того, чтобы он сидел у рации в своей норе. Организация группы — вот ваши функции. И вы бы ее создали, не поспеши мой коллега с арестом. В Марселе вам это удалось, удалось бы и здесь...

— Ну, и?..

— Не торопитесь, господин Родин. Всему свое время!.. В отличие от своих коллег я не очень огорчен вашим запирательством. Большевистский фанатизм знаком мне по Восточному фронту, и я, хотя и нахожу его непривлекательным, научился извлекать из него пользу...

Скрипучий голос Шустера напоминает Моделю о годах, проведенных в школе. Учитель истории, старый Жираф, точно так же усыплял весь класс, когда излагал урок. Даже об открытии экзотической Тасмании он ухитрялся говорить с такой интонацией, что казалось, будто в Тасмании с тех пор прекратилась всякая жизнь... Арестованный вертит в пальцах рюмку, грани ее вспыхивают голубыми искрами. «Хотел бы я знать,— думает Модель,— какую еще пользу из этого можно извлечь?»

Очевидно, и арестованный подумал о том же; он отставляет рюмку и в первый раз за все время спрашивает с неприкрытым интересом:

— Вот как?

Шустер холодно улыбается.

— В Москве на Знаменке вы заучили легенду. Там же вы усвоили и другое, параграф вашего устава: «Сам погибай, а товарища выручай». Но в том-то и дело, что вы никого не выручили, Родин. На вашем месте я поступил бы умнее. Согласился бы на сотрудничество, для виду, разумеется, и постарался бы тянуть время, путать нас, мешать нам. Вначале вы так и собирались действовать, когда вступали в «лисью игру». Вы передали радиограмму и сделали первый шаг если и не к доверию, то по крайней мере к некоторому взаимопониманию. Но дальше — дальше вы испортили все. Радиограмма ушла, и вы сочли себя ренегатом. Решили выйти из игры и молчать. И в результате потеряли единственный реальный шанс помочь вашим друзьям: сократили до минимума время, отпущенное вам на тактический маневр. Вы скверный тактик, милейший господин Родин!.. Не согласны? Извольте, я поясню свою мысль. Предположим, вы «честно» продолжаете передачу наших радиограмм. С каждым разом наше взаимопонимание растет и укрепляется. Мы даже верим вам, когда вы лжете, что связной придет на вокзал в ближайшую пятницу или субботу. Связной, конечно, не является, и вы скорбите вместе с нами. Вы так искренни, что мы соглашаемся с вашим утверждением: произошла обычная заминка, связной приедет через неделю... А время идет! Москва, где тоже сидят специалисты, вполне возможно, догадывается, что ее кормят дезинформацией, и, в свою очередь, начинает «лисью игру» с нами. Дни бегут, мы ждем и надеемся, а ваши друзья за этот срок успевают перестроить всю систему, и в результате эти глупые боши — то есть мы! — остаются в накладе. Вы умираете как герой, а капитан Модель и я попадаем в гестапо. В раю или аду мы догоняем вас и, сняв шляпы, поздравляем с успехом.

Нет, Шустер, конечно, не Жираф! Перспектива, нарисованная им, выглядит настолько реальной, что у Моделя холодеет спина. Ведь так все могло и произойти!

Шустер уже не улыбается.

— Поэтому я и говорю: спасибо вам, мой дорогой господин Родин! Вы избавили всех нас от неприятностей. Неделя, потерянная нами, вполне окупится за счет опыта, приобретенного при общении с вами, и вдвойне окупится при анализе урока. На прощание я даже посвящу вас в некоторые специальные соображения. Все три точки — в Марселе, Лилле и ваша — работали примерно по одной схеме: изолированный радист, связник, некто главный и от него — связник и источник. Все передатчики имеют единый позывной и отличаются друг от друга только расписанием сеансов. Неглупо, ибо путает нас и заставляет думать о блуждающих станциях, но и не так умно, как предполагаете вы.

Шустер делает паузу и доверительно, почти дружески кладет руку на колено арестованного.

— Утверждают, что мы, немцы, мыслим по шаблону. Но и вы в своей системе не оригинальны. За что говорит наличие многих ПТХ? За существование лица с функциями координатора. А если так, то провалы отдельных радистов практически не оказывают влияния на работу всей сети. Связной, если он не арестован, бесследно исчезает, радист знает только то, что входит в его сферу, и до координатора добраться не удается. Но даже когда связной у нас, то — так было в Лилле и Марселе — выясняется, что он получает материалы от посредника, а тот, после ареста связного, словно проваливается сквозь землю.

Модель внимательно наблюдает за арестованным и готов поручиться, что в глазах Родина мелькает торжество. Неужели все обстоит так безнадежно, как кажется Шустеру? Ведь это значит, что им никогда не добраться до того, кто стоит во главе дела. Гаузнер кошачьими шагами подходит к Моделю, наклоняется и шепчет в самое ухо: «Что он болтает?!»

Шустер всем корпусом торжественно разворачивается к Гаузнеру и Моделю. Узкие плечи его распрямляются в линию, тяжелый подбородок выставлен вперед.

— Господа! Позвольте мне от вашего имени поблагодарить милейшего Родина за отличный совет. Он дал его нам не совсем по своей воле, но ценность совета тем не менее от этого нисколько не проигрывает.

— Какой совет? — раздельно спрашивает Гаузнер.

— Радистов — не трогать! Связников — не трогать! Посредников — тоже. Пеленговать и брать под наблюдение. Каждого человека и каждый шаг. Идти от периферии к центральной фигуре. И уже тогда — всех до единого, одним разом!

Вздох Моделя сотрясает тишину, как хорал. Шустер устало присаживается на подоконник и, опершись плечом о решетку, ловко забрасывает в рот леденец из маленькой плоской коробочки. Этими леденцами он угощал Моделя сегодня утром, пояснив, что по совету отца бросил курить.

— А этого? — говорит Гаузнер.

— Нам он не нужен,— нехотя отвечает Шустер, даже взглядом не испросив мнения Моделя.

— Особое обращение?

— Если он не заговорит... Впрочем, это ваша компетенция, комиссар.

Модель торопится вмешаться:

— Внутренние дела гестапо не касаются абвера.

Этими словами он сполна расплачивается с Гаузнером за только что пережитые минуты. Офицеры армейской контрразведки не желают иметь ничего общего ни с методами СД, ни с их терминологией. «Особое обращение» — термин из практики эйнзацкоманд, а не абвера, и Модель — родственник прославленного фельдмаршала — считает недостойным даже косвенное причастие к профессиональным обязанностям Гаузнера. Половина Брюсселя только о том и говорит, что комиссар собственноручно пытает и расстреливает тех, кого СД привозит в «Черных Мариях» в Леопольдказерн.

Осторожным движением Родин ставит рюмку на самый краешек стола. Встает навстречу конвою. Шустер, оттопырив щеку леденцом, окликает его:

— Минутку... Когда останетесь один, поразмыслите над тем, стоило ли молчать. Вы уже погибли, но никого не спасли... Страшный конец, не так ли, мой милый?

Назад они едут уже в сумерках. Серые тени лежат на соборе, и чистенькие брюссельские улицы вздрагивают от воя сирены. Шофер сигналит без всякого повода, просто так, чтобы лишний раз досадить укрывшимся за стенами домов обывателям. Красный имперский флажок бьется над черным крылом «хорьха».

В отеле Модель достает из чемодана бутылку настоящего «Камю».

— Поздравляю!

Они пьют за удачу, за общих друзей, фюрера, Берлин и берлинцев, адмирала Канариса, мудрого фельдмаршала фон Моделя — одного из лучших полководцев империи...

В ушах Моделя шумит от жары и коньяка, и телефонное сообщение Гаузнера, позвонившего после полуночи, доходит до него не сразу. Гаузнеру дважды приходится повторить, что Гро повесился в камере. Пока Модель выясняет, как это случилось, Шустер в одиночестве приканчивает бутылку.

— Повесился на бинте? — переспрашивает Модель.

За окном в бездонно черном небе вспыхивает и гаснет звезда. На патефонном диске крутится пластинка с «Маршем богов», и музыка так величественна, что Модель ощущает себя гигантом, которому подвластно все — люди и смерть, земля и небо.

7. АВГУСТ, 1942. МАРСЕЛЬ, РЮ ЖАРДЕН, 17.

Если бы в Париже был Канебьер, то Париж был бы маленьким Марселем. Так утверждают марсельцы, и это, разумеется, несколько преувеличено. Однако Канебьер, соединяющий старый порт с центром, действительно красив, особенно у точки слияния с аллеей Леона Гамбетты. Это юг, живой и пестрый, со всей своей нескромностью: у домов открыты окна, у дам — плечи и спина. Белые фасады, японские зонтики с цветами; цветы у тротуаров, в стенных алебастровых кашпо, в плетеных корзинках продавщиц. Жак-Анри покупает влажную гвоздику и вставляет ее в петлицу. Цветок — алое пятнышко — походит на розетку ордена Почетного легиона.

На остановке у церкви Сен-Винсент де Поль Жак-Анри дожидается трамвая и едет в полупустом прохладном вагоне. Он не садится: не хочет мять отутюженный белый костюм из тонкой шерсти; впрочем, ему и ехать недалеко — до рю Жарден. В пансионе мадам Бельфор его ждет Пьер.

Это не очень осторожно — навещать пансион, но Жак-Анри уверен, что полиция сняла наблюдение. Фланден покинул Марсель больше года назад, обыск в доме № 17 закончился безрезультатно, а мадам Бельфор закатила в префектуре истерику. За нее немедленно поручились отставной генерал и бывший министр, имевший солидные связи в кругах Виши. Полиция принесла извинения и только осмелилась просить мадам дать ей знать, если коммерсант из Латинской Америки сеньор Альварец решит еще раз снять комнату в пансионе.

— Я не доносчица! — возразила мадам.— И кроме того, иностранцы регистрируются в полиции.

Инспектор двусмысленно улыбнулся.

— Не все.

— У меня — все! — отрезала мадам.

После этого месяца три — три с половиной она замечала, что за домом наблюдают, но это ее не волновало. Передатчик, спрятанный в подвале под слоем угля, до поры до времени должен был молчать. Мадам постепенно рассчитала старую прислугу и наняла новую, предусмотрительно не отказав и старшей горничной-эльзаске, о которой знала, что та — полицейский осведомитель.

Все же Жак-Анри предпочел выждать еще, прежде чем заняться восстановлением радиогруппы. Пьер только две недели назад перебрался в Марсель из Нима. В его багаже старого холостяка не было ничего предосудительного, и он дал возможность эльзаске сколько угодно рыться в нем в свое отсутствие. Он даже не рассердился, когда она рассыпала в чемодане его пилюли от кашля.

С вокзала Жак-Анри позвонил мадам и передал ей привет от школьной подруги из Парижа. Он назвался Лео Шредером и был приглашен на три часа...

Пьер, сухой и желтый, как мумия, с угасшими больными глазами — кто бы мог вообразить его в роли подпольщика? Туберкулезные прожилки на щеках и руки, словно вылепленные из стеарина, не оставляют сомнения в том, что судьба отпустила этому человеку не слишком много времени на все и вся. Откашливаясь, он сплевывает зеленую мокроту в стеклянную баночку, и Жак-Анри с грустью отмечает, что со дня их последней встречи баночка стала побольше и наполняется она быстрее. Процесс прогрессирует, и нет средств его остановить...

В комнате Пьера хаос. Холсты стоят один на другом, лепятся к стенам и стопкой лежат на платяном шкафу. На мольберте — этюд, накрытый куском старого шелка. Картон с женской головкой прислонен к подушке. Пьер редко рисует пастелью, он любит краски яркие и сочные, как сам юг. Его картины выставлялись в салонах; их и сейчас охотно покупают, и Пьер не испытывает недостатка в деньгах. Художники считают его явлением не меньшим, чем Пикассо.

— Это так... мелочь,— говорит Пьер и торопливо убирает картон.

— Сюзанна?

— Какого черта?!.

— О прости, Пьер!

С того дня, как Сюзанна ушла, Пьер не выносит ее имени. Но женские головки, рисуемые им с трудным постоянством, запечатлевают черты Сюзанны. Закончив, Пьер рвет картоны и тут же берется за новые.

После неловкого молчания Жак-Анри не сразу находит слова.

— Тебе привет от Жюля.
— Спасибо. Как он там?
— Пытается согнать вес.
— Жарко в Париже?
— Терпимо...
— Подмазываешься к бошам?
— Еще бы! «Эпок» скоро станет бранным словом!
— Меня тоже ругают, пишут в газетах, что я ухожу от действительности в трудный для Франции час. Мои картины, видите ли, не отражают страданий родины. А я сам — богемствующий эстет. По случаю и без случая приплетают ко всему моих аристократических предков и намекают, что прадед предал Наполеона.
— Хорошо, что не называют коммунистом!
— Это был бы уже донос. А у нас, слава богу, все-таки маршал и, следовательно, хотя бы внешне соблюдается респектабельность.
— Надолго ли!
— Прости?..
— Нет, так, ничего...
Жак-Анри уходит от прямого ответа, хотя знает, что дни правительства Виши сочтены. В германских штабах уже разработан план молниеносной оккупации Южной Франции. Гитлера, как магнит, притягивает стоящий в Тулоне и Марселе французский военный флот. Англичане практически нейтрализовали блокаду островов, а на Северном море имперские ВМС бессильны приостановить продвижение конвоев, идущих в Мурманск. «Тирпиц» и «Блюхер», спасаясь от советской авиации, вынуждены сидеть в фьордах... У итальянцев в Средиземноморье дела не лучше. Их легкие крейсеры словно наперегонки уходят на дно. В Тулоне же, оставленные Франции после перемирия, бездействуют линкор «Ришелье», тяжелые крейсеры, эсминцы и подводные лодки. Это та сила, получив которую гроссадмирал Редер обещает сокрушить союзников на море... Впрочем, верховное командование вермахта не меньше заинтересовано и в другом. Ему нужен прочный тыл, а вишисты не могут справиться с маки. Отряды возникают быстрее, чем петеновская жандармерия успевает ликвидировать хотя бы один из них. Такой тыл грозит осложнениями в период, когда операции на Восточном фронте приближаются к кульминации... Информация, полученная Жаком-Анри, не оставляет лазейки сомнениям: участь Южной Франции предрешена.
Жак-Анри наклоняется к лацкану и нюхает гвоздику.
— Когда начинать работу? — спрашивает Пьер и с отвращением сплевывает в баночку.— Я еще не осматривал аппаратуру.
— Пятнадцатого. Я привез расписание и шифр: «Буря над домом», четыреста семьдесят первая страница. Кодовое слово для перекрытия «конструктивизм», с отброшенным «м», разумеется. Письма будешь получать до востребования.
— Куда и на чье имя?
— Решай сам. Нужно пять адресов и столько же имен.
— Позывные — ПТХ?
— Теперь нет. Ты будешь совершенно самостоятелен. Адрес — КЛС, рация — РТИкс, подпишешься АР 50379.
Пьер смотрит на Жака-Анри с обостренной проницательностью смертельно больного человека.
— Кто-то провалился?
— Не скрою — да.
— Я не спрашиваю — кто, но можно узнать — как?
— Если бы я знал сам! Известно одно: и в этом случае рядом с домом стояла палатка телефонистов.
— Переносные пеленгаторы?
— Да, и даже скорее всего не направленные на волну, а другие — скверные штучки, регистрирующие наличие магнитного поля.
— А есть такие?
— Теперь есть. Фирма «Радио-Вольф» из Берлина. В свое время нам почти на год удалось отсрочить их изготовление, а потом... Кстати, здесь может появиться Фланден.
— Значит, провалился он? Мне-то ты можешь сказать!..
Жак-Анри рассеянно щурится на солнце.
— Если Фланден все-таки приедет, скажешь, что я жду его. Пусть к числу букв своей настоящей фамилии прибавит восемь — это будет дата встречи; к тому же числу прибавит четыре — это будет время, а если прибавить еще десять — получится номер трамвайной линии, на конечной остановке которой его подождут. Ты запомнил?
— Восемь, четыре и десять?
— Каждый месяц. А до тех пор пусть отдыхает.
— Хорошо. Ты думаешь, он приедет?
— Надеюсь... В случае чего можешь вполне рассчитывать на садовника. Он славный парень. Передашь привет от Профессора, и он не откажется тебе помогать...

Переждав жару, они выходят в сад, в царство стриженой жимолости и истертых газонов. Сад — сразу за домом, и там, где жимолость сплетается с боярышником, Жак-Анри отыскивает неприметную калитку в стене. Она не заперта, и ничто не мешает ему и Пьеру проникнуть в смежный сад, почти целиком состоящий из нестриженых акаций. Колючки длиной с ладонь превращают его в ловушку, из которой постороннему нелегко выбраться.
— Ты будешь работать отсюда,— говорит Жак-Анри, когда они доходят до лужайки, примыкающей к особняку.— Точнее, из этого дома.
— А владелец?
— Это мадам Бельфор. Здесь тоже пансион, и тебе отведена мансарда. Мадам покажет остальное... Не забудь только запирать за собой калитку, Пьер,— считается, что у домов разные владельцы.

— Сад так и просится на полотно!
— Да, но рисовать здесь не придется.
— Жаль.
— Что поделаешь, старина...

Они садятся в выцветшие полосатые шезлонги, и Жак-Анри качается, закинув руки за голову. Небо над ним безмятежно-сине, и солнце слепит прищуренные глаза. В детстве Жака-Анри, о котором он не хочет вспоминать, и в юности, о которой старается не думать, был такой же полосатый, нагретый лучами шезлонг, и стоял он на опушке соснового леса. Жак-Анри качался в нем, и слушал птиц, и сам подсвистывал им. Он умел разговаривать с кукушкой и синицей, и кукушка однажды напророчила ему сто лет. Это было за неделю до отъезда в Испанию.

Жак-Анри плотнее смыкает ресницы и ждет, когда на их кончиках появятся радужные круги. В детстве он умел это делать. Голос Пьера врывается в полусон и возвращает его в Марсель.

— Прости? — переспрашивает Жак-Анри.
— Ты дашь мне тексты?
— Да, сейчас. Запиши.

Пьер достает изящный альбом с золотым обрезом. Ищет свободную от рисунков страницу.

— Диктуй.
— Первая... Номер я скажу потом. Итак, первая: германские дивизии на Восточном фронте в связи с потерями частично укомплектованы людьми, прошедшими четырехмесячное ускоренное обучение. Из того же материала пополняется командный состав. Ведущие генералы в ОКВ рассчитывают на продолжительность войны порядка тридцати месяцев. После этого, по их мнению, возможен сепаратный мир... Успеваешь?

Пьер кивает и разражается кашлем. Кончик карандаша ломается, прочерчивая на слоновой бумаге ломаный след. Баночка осталась в комнате, и Пьер торопливо сплевывает в платок.

— Не отвлекайся, пожалуйста! — говорит он сердито.— Что там дальше?
— На конец прошлого месяца немцы имели 400 дивизий всех родов, кроме того, полтора миллиона человек в организации Тодта и миллион различных резервов ВВС, включая пилотов и наземные команды. Во Франции сейчас находится до двадцати двух дивизий, большей частью ландштурм. Личный состав очень неустойчив, имеются случаи дезертирства... Конец.
— И это не срочно?!
— Срочные не ждали бы до пятнадцатого, Пьер. Записывай вторую. Прежние шифровальные книги раскрыты. Возможна компрометация линии связи с Вальтером, хотя я и не тревожу его заранее. Моя связь с вами в полном порядке. Никаких признаков наблюдения. Как теперь связываться с Вальтером?.. Конец.
— Это все?
— Еще одна. Будь внимателен, здесь много трудных слов. Начинаю: новыми немецкими отравляющими веществами являются: формихлоридоксим, формула... впрочем, формулы я продиктую отдельно... значит, формихлоридоксим, цианформихлоридоксим, дихлорформилоксим, какодилисоцианид, теллурдиаэтил, нитросильфлуорид и хлорированный этилумин.
— Как подписать?
— Марат. И поставишь еще свою подпись.
— Клянусь, это отличная информация!
— Не преувеличивай, Пьер.
— Нет, правда; сначала я решил, что ты дружишь только с самим Кейтелем, а теперь вижу тебя в числе основных пайщиков ИГ-Фарбениндустри.
— Газы вырабатывает не одна ИГ-Фарбен. Оставим это.
— Тебе неприятно?

Против воли голос Жака-Анри звучит резко:

— А что приятного думать о том, что газы могут быть пущены в ход где-нибудь на Волге?
— Ужас!

Жак-Анри встает. У него тоже есть и душа и сердце, и они не защищены броней. То, что для Пьера укладывается в короткое восклицание, для него — боль, бессонница и порой почти непреодолимое желание нарушить приказ и любым путем добраться туда, где каждая пядь выжжена огнем и пропитана кровью.

Жак-Анри очищает брюки от соринок и поправляет канотье из золотистой итальянской соломки. Гвоздика совсем завяла, и он, поколебавшись, забрасывает ее в кусты. Протягивает Пьеру ключ.

— На обратном пути не забудь запереть калитку. Тысяча поцелуев мадам Бельфор!

Пьер, суетясь, заталкивает в карман альбомчик.

Жак-Анри смотрит ему вслед, пока сутулая спина не скрывается в зарослях акации. Подождав, выбирается через лаз на дорожку, посыпанную желтыми толчеными ракушками. Неторопливый и уверенный, он доходит до ограды, толкает бронзовую решетчатую дверь и ступает на размякший под солнцем тротуар рю де Хёффер.

Здесь шумно и пахнет йодом.

Жак-Анри идет на этот запах к морю, спускается с набережной, набрав по дороге полные карманы плоских, облизанных волнами камешков. На мостках мальчишки ловят удочками рыбу. Жак-Анри присаживается в отдалении и, стараясь им не мешать, ловко запускает в мягкую зеленую воду почти невесомый «блин». Камешек подпрыгивает раз-другой, и Жак-Анри считает круги. Мальчишки замечают его и, воздев удочки к небу, восторженно орут, когда броски удачны. Кричат:

— Идите к нам, месье!

И он идет на их зов.

Продолжение следует.

Лев ФИЛАТОВ

27 мая Лев Яшин в последний раз встанет в ворота. Завершает свой славный путь замечательный вратарь — трехкратный обладатель Кубка «Огонька», и в его честь встречаются на поле сборная мира и сборная «Динамо».
Льву Яшину и посвящены эти страницы «Огонька».

Мне приходилось и раньше писать о вратаре Льве Яшине. Это всегда было нелегко: ведь, как известно, положительные герои просто так в руки пишущему не даются. Сегодня задача усложнилась: вместо привычного настоящего времени предстоит пользоваться прошедшим. Как смириться с этим, когда не верится, что Яшин ушел из ворот?

Поэтому, я надеюсь, читатели меня поймут, если я начну издалека этот вообще-то, хотим мы того или не хотим, с привкусом грусти очерк.

Вратарь — фигура парадоксальная. В конечном итоге футбол сводится к тому, чтобы забить гол. И люди идут на стадионы или приникают к телевизорам в надежде увидеть сей славный миг. Потом голы показывает кинохроника, за ними гоняются фотокорреспонденты, их описывают во всех подробностях в газетах, обсуждают болельщики, да и сами бомбардиры даже спустя много лет охотно рассказывают о своих удачах. Больше чем кто бы то ни было мешает осуществлению заветных чаяний вратарь. Схватывая мяч на белой линии ворот, он обрывает вскрик стадиона, уже набравшего в легкие воздуха, усаживает на место вскочивших в предвкушении торжества. Вратарь как бы стоит поперек игре, она в него утыкается, и, когда мяч у него в руках, это значит, что все надо начинать сызнова, что усилия пошли прахом. Но, несмотря на это, люди, охраняющие ворота, не позволяющие забивать желанные голы, которые, казалось бы, должны были нас раздражать, сделались фигурами, пользующимися исключительными общими симпатиями. В этом парадоксе выражена чудесная соразмеренность и обоснованность футбола, игры, придуманной мудро и талантливо.

Но есть тут и другой секрет. Десять человек на поле играют с мячом одинаково, они и одеты одинаково, они нерасторжимы. Вратарь один и одет не как все. Он врывается резким диссонансом в общую картину матча и оценивается иными мерками. Кто он: футболист? Все-таки точнее сказать — вратарь. Исключительность обязанностей делает исключительной его роль в игре. Стадион, симпатизирующий «своей» команде, может встретить гробовой тишиной классный удар чужого форварда. Чужой вратарь непременно удостоится аплодисментов за красивый бросок в угол ворота. Искусство вратаря как бы вне турнирной конъюнктуры, вне расчетов, оно имеет вечную власть над нами.

В футболе много красивого, но игра вратаря красива вся, целиком, без изъятия. Если, конечно, вратарь высокого класса. Самый знаменитый форвард и ошибается, пасуя, и бьет выше ворот, и штрафуется судьей за нечистое единоборство. Вратарь ничего вольного не может себе позволить, он обречен на безупречную игру. Обречен должностью, потому что белая линия ворот — это канат под куполом цирка и сетка за его спиной не для страховки, а, наоборот, для того, чтобы точно зафиксировать поражение.

Мы с вами знавали многих вратарей, хороших и разных. Хороших, потому что советский футбол на протяжении всей своей истории не изведал вратарского безвременья, хотя бывало, что ему недоставало то форвардов, то полузащитников, то защитников. Разных, потому что каждый имеет свои особенности и любимые приемы, каждый играет, применяясь к своим физическим данным, к своему росту, каждый, наконец, ловя мяч, обнаруживает свой характер и темперамент.

Мне не хотелось бы сравнивать, называть имена: каждый большой мастер достоин уважения. Замечу только, что обычно трибуны неравнодушны к вратарям прыгающим, которых постоянно мы видим летящими по воздуху. Они, если и пропускают гол, бывают прощены за свои предшествующие чудеса. Акробатический стиль импозантен, привлекателен, дарит выставочные фотокадры. И все-таки в глубине души за такого вратаря побаиваешься: а вдруг прыгнет и промахнется? По моим многолетним наблюдениям, такие эффективные вратари рано или поздно пропускают гол, который следует признать сомнительным.

И существует иная мера игры, встречающаяся гораздо реже. Этот вратарь тоже совершает броски, но в крайнем случае. То, что он ловит мяч, не воспринимается как подвиг, как чудо, это в порядке вещей, потому что он делает это на удивление просто. Он затрачивает словно бы какую-то другую энергию, чем вратарь-акробат, не столько мышечную, сколько нервную, умственную. Он разгадчик, провидец, он наперед знает, куда прилетит мяч. Таким вратарем в свое время был у нас Анатолий Акимов. До сих пор памятен его мягкий длинный бросок. Но чаще всего Акимов вспоминается с мячом в руках, который неведомо как к нему прилетел. И, кстати, обращу ваше внимание, что Акимов играл долго, с 1936 по 1951 год, и до последнего своего матча играл надежно.

Вот и Лев Яшин играл долго, с 1953 по 1970 год, и до последнего матча надежно. Долго и надежно. Это, думаю, главная особенность его вратарской биографии.

Сами по себе 18 лет хоть и вызывают уважение, но всего рассказать не могут. Надо представить, какие это были годы, какие мячи за это время взяты.

Яшин пришел в наш футбол вовремя, накануне самых замечательных событий в его истории. Он стоял в воротах нашей сборной на стадионе «Динамо» в августе 1955 года в матче с тогдашним чемпионом мира — командой ФРГ, выигранном нашими доблестным завершающим штурмом (3 : 2), матче, после которого стало ясно, что советским футболистам пора включаться в чемпионаты мира. Он стоял в воротах на Олимпиаде в Мельбурне в 1956 году, когда были завоеваны золотые медали. Он стоял в воротах в трех чемпионатах мира и в двух розыгрышах Кубка Европы, принесших нашей команде первое и второе места. Другими словами, с Яшиным в воротах наша сборная выступала во всех самых знаменитых и трудных международных турнирах. Сейчас, оглядываясь на прошлое, мы имеем право сказать, что за те годы наша

ВОРО

сборная вклинивалась в круг лучших команд мира, получила прочное признание, а Яшин безоговорочно признавался лучшим вратарем мира так же, как Пеле — лучшим форвардом.

Вспомним, каким нападающим он противостоял: Пеле, Гарринча, Вава, Жаирзиньо, Герсон, Кеван, Гривс, Альберт, Бене, Хамрин, Маццолла, Ривера, Шекуларац, Костич, Ранн, Вальтер, Зеелер, Эйсебио, Амансио, Онега, Роча... И к этому перечню можно добавить еще многих искусных мастеров. Вот под таким обстрелом Яшин и наращивал свои силы.

Достижение всегда легче обозначить и обрисовать, чем объяснить. Откуда взялся Яшин? Я уже говорил, что с вратарями мы никогда не бедствовали, и потому в любой команде требования достаточно высоки. В московском «Динамо» до Яшина играли превосходные мастера Алексей Хомич и Вальтер Саная, в сборной команде страны — Леонид Иванов. Прямо скажем, такие «исходные нормативы» для новичка не из легких. Яшин (думаю, что это было к его счастью) выполнил их не вдруг, не по шучьему велению. Он начинал трудно, пережил жестокие разочарования. После первых двух игр за «Динамо» в 1950 году он был надолго переведен в запасные и более двух лет ждал своего часа. Ждал — это значит отбивал и отбивал бесчисленные удары на тренировках, удары, шедшие в зачет ему одному. Все его старания, броски, синяки были невидимы миру, и никто не мог сказать, получится ли из него вратарь.

С годами, с опытом что-то в людях меняется. Но то, что определяет судьбу и призвание недюжинного человека, обычно остается, как было, на всю жизнь. Я не был знаком с Яшиным, когда он, отстраненный за неудачу, добивался права стоять в воротах. Но, зная его сейчас, легко представляю и того молодого, безвестного, хватающего мяч. Он, став мировой величиной, остался таким же. Вероятно, тогда он понял хоть и простую, но далеко не всем доступную истину, что на один отраженный в матче удар приходится сто ударов на тренировке. От этой требовательности к себе он никуда не мог уйти и пронес ее сквозь все свои славные сезоны.

Мне вспоминается такой эпизод. Мы возвращались домой из южноамериканского турне сборной и дожидались посадки в аэропорту Цюриха. Яшина узнал один пассажир, выразил ему свое восхищение, пожал руку, взял автограф. Пассажир заявил, что в дни предстоящего чемпионата мира в Англии будет смотреть все телевизионные передачи. «Я тоже»,— горько усмехнувшись, сказал вдруг Яшин. «Перевести?» — спросил я. Он резко махнул рукой: «Не надо, не поймет...»

Не только чужеземный пассажир не понял бы тревоги Яшина. Да, это выглядело странно, не вязалось с его славой, с его заслугами. Но это было честно: ему уже 36, как знать, что будет спустя еще полгода...

Думаю, что Яшина всю его жизнь хранило от искушений славы вот это самое беспокойство за завтрашний матч. Он никогда не жил вчерашним днем, как бы тот ни был удачен, не слишком доверял ему по той простой причине, что, пока играешь, нет матча последнего. Никакой взлет не может гарантировать вратарю неуязвимость. Наоборот, каждые очередные полтора часа проверяют человека сызнова, очередная игра делает всех равными, независимо от стажа, званий, былых оваций.

Затрудняюсь назвать дату, когда Яшин стал знаменитым, общепризнанным. Одно известно: не было вратаря, который бы так долго носил тяжкое бремя мировой славы, проходя все новые и новые испытания и выходя из них с честью, не только ничего не теряя, но и что-то приплюсовывая.

Из славы можно делать любые выводы. Достаточно примеров, когда она кружила головы и вслед за ее приходом следовал обидный преждевременный уход молодого еще человека со спортивной арены. Яшину слава делала его вратарскую жизнь вдвое сложнее, и, может быть, именно поэтому он относился к ней настороженно, даже с известной досадой. Слава его обязывала, заставляя относиться к себе, к футболу с предельной серьезностью. Оказавшись в средоточии мирового футбола, сыграв за сборную мира в 1963 году в эпохальном матче, ознаменовавшем столетие игры, получив в том же году «Золотой мяч» — приз лучшего футболиста Европы, Яшин не умозрительно, а в суровой игре, руками, телом ощущал, как безжалостно строг футбол, как широк резонанс каждого движения, и знал, что отдавать футболу надо все, что имеешь, все силы и душу.

Однажды мне в редакцию позвонил незнакомый болельщик.

— Вы читали интервью с Яшиным в футбольном календаре? Что же получается? Он обвиняет игроков сборной в отсутствии заряженности на победу, обижает некоторых из них...

А я вспомнил в этот момент, как недавно на заседании президиума Федерации футбола Яшин держал речь в защиту одного известного мастера, которому по каким-то формальным причинам не разрешили играть.

— Товарищи, но он же специалист футбола! Как же можно специалисту не разрешать выполнять дело, которым он владеет...

Исполненный уважения к людям футбола, готовый отстаивать их интересы, Яшин в то же время резок, когда сталкивается с игроком, не отдающим всего, на что способен. Добрый, я бы даже сказал, нежный к своим соратникам, в которых он верит, Яшин крут и колюч с теми, кто у него на подозрении по части отношения к игре. На моих глазах он осадил 19-летнего форварда, только что приглашенного в сборную, когда тот обратился к нему на «ты».

— Я тебе не Лева, а Лев Иванович, и, будь добр, называй меня на вы...

Больше чем уверен, что Яшин успел уже разглядеть в этом парне зазнайство и самоуверенность, оттого так с ним и обошелся. И он не ошибся: форварда этого спустя недолгое время вывели из сборной.

За Яшиным числят многие чисто вратарские достижения. Считается, что он был новатором в дальних выходах из ворот, когда в некоторых эпизодах играл как защитник. Что ж, яшинские вылазки помнятся. Помнятся и его броски, послужившие поводом для зарубежных журналистов прозвать его «черным спрутом». И все-таки дороже всего в Яшине то чувство надежности, которое мы все испытывали, видя его в воротах. Более пятисот матчей за его плечами, в том числе 78 в составе сборной СССР. Он пропускал голы, были у него и неудачные матчи. Характерно, что яшинские неудачи вспоминают примерно так же, как великолепные матчи других вратарей, они в его карьере были своеобразными сенсациями. Ну а хорошая игра Яшина не дробится на эпизоды, она была постоянной величиной, его нормой.

Такое достижение не отнесешь к специфически вратарским. Оно достижение человеческое. Говоря о Яшине, мы всегда будем подразумевать человека, верой и правдой, вдохновенно служившего футболу, советскому спорту.

Тренер динамовцев Константин Бесков назвал ворота своей команды «воротами Яшина». Сказано с чувством. Трудно избавиться от ощущения, что и впрямь осиротели ворота «Динамо». Осиротел без Яшина и наш футбол. Уж так мы к нему привыкли, уж так мы в него верили...

Когда я сейчас в раздевалке встречаю Льва Ивановича в пальто и шляпе и он отвечает на вопросы в качестве начальника динамовской команды, мне это кажется каким-то недоразумением. До сих пор Яшина без конца спрашивают, не выйдет ли он снова на поле. Ему и самому не верится, что вратарская его жизнь в прошлом, и он смущенно улыбается, разводит руками, словно оправдывается.

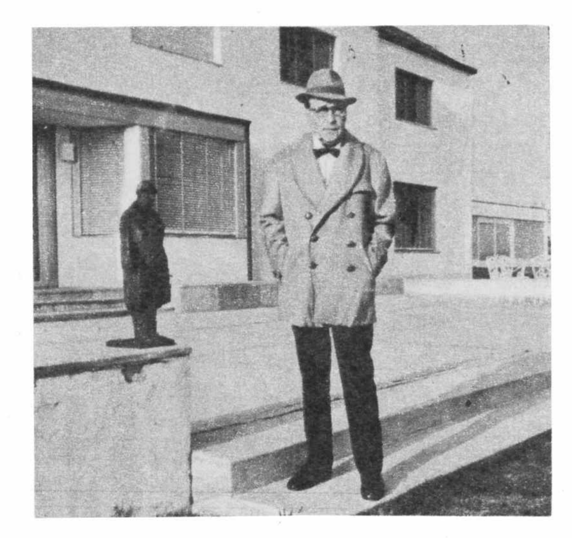
Яшин начеку. Фото А. Бочинина.

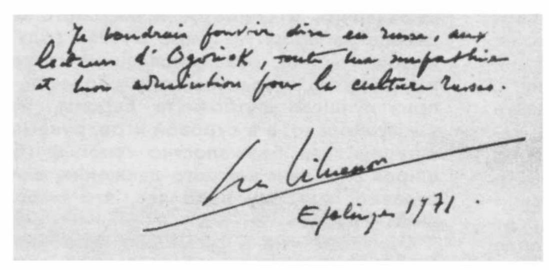
В нынешнем году исполнилось сто лет со дня, когда игроку в воротах разрешили играть руками и он сделался вратарем. Из этих ста лет последние восемнадцать вратарское искусство олицетворял наш соотечественник Яшин. Есть и сейчас у нас хорошие вратари. Выдвинутся новые, молодые, и они завоюют мировое признание. В это легко поверить. Не обязательно, чтобы они напоминали Яшина внешностью, повадками, манерой игры. Но о том вратаре, который не будет нам внушать ни малейших сомнений в своей надежности, в своей верности футболу, мы обязательно скажем: «Как Яшин».

Как эталон надежности Яшин и остается в футболе.

ТА ЯШИНА

Фото Б. ГУРНОВА.

Я очень хотел бы выразить по-русски читателям «Огонька» всю свою симпатию и свое восхищение русской культурой.

Ж. Сименон,

Эпаленж, 1971

В ГОСТЯХ У ЖОРЖА СИМЕНОНА

Мартын МЕРЖАНОВ

Имя писателя Жоржа Сименона широко известно. Его книги издаются в восьмидесяти странах большими тиражами.

Повествовательный ритм — лаконичность языка, емкость фразы, развитие сюжета на больших курьерских скоростях — едва ли не самая характерная особенность творчества Жоржа Сименона. В своем жанре он достиг высокого мастерства и признания. Жена Эрнста Хемингуэя Мэри, вспоминая об увлечениях мужа, пишет: он «любил читать детективы. Любимым его писателем этого жанра был Жорж Сименон. Про него он всегда говорил: «Да, вот кто действительно умеет писать».

...Живет Сименон в Швейцарии, в неприметном местечке близ Лозанны, рядом с Женевским озером. Его большой, двухэтажный особняк в окружении лесов и полян стоит в стороне от дороги.

Он вошел с улыбкой, держа в левой руке длинную трубку и приподняв правую. Сименон приветствовал нас жестом гостеприимного хозяина.

Подтянутый, высокий, с темными волосами, зачесанными назад, с чуть заметной сединой на висках, с большой черной «бабочкой» на белом воротничке — всем своим обликом он не соответствовал своим паспортным данным, по которым ему отсчитывается шестьдесят девятый год жизни.

— Как вы относитесь к проблемам романа, и в частности к той дискуссии, которая была поднята на Западе, когда пытались отвергнуть роман как жанр?

Не задумываясь, он сказал:

— Я придерживаюсь другого мнения. Уверен, что роман жив и будет жить, ибо именно он, как никакой другой жанр, способен вместить описание всей человеческой жизни. Нужны ли примеры? — спросил писатель и, не ожидая ответа, продолжал: — Не случайно ведь произведения Толстого, Достоевского, Гоголя и Чехова продолжают издаваться большими тиражами, и не только у вас, но и на Западе, и остаются богатым источником для постановок в театре, кино, на телевидении. Речь может идти лишь о форме, стилистических особенностях, но не о самом романе.

— А каковы особенности ваших романов?

Писатель поднял голову, словно бы следил за тонким стебельком табачного дыма, уходящего от трубки к потолку. Затем он ответил:

— Мой дед был смотрителем дамбы в Голландии, а отец бухгалтером в Льеже. Я вырос среди простых людей, наблюдал их замкнутую жизнь, скрытность, молчаливость. Если вы читали мои произведения, то могли заметить, что героев я ищу среди обычных людей и мне неважно, мясник ли он, служащий банка, конторщик... Бальзак как-то сказал, что он героев своих произведений находит на улице. Мне по душе люди, затерянные в большом городе, испугавшиеся толпы и строгости общественной дисциплины. Я за ними наблюдаю, изучаю и стараюсь показать их положительные и отрицательные стороны. Ведь сам человек никогда полностью не раскрывается, всегда в нем что-то таится. Он живет в строгих рамках условности. Я ломаю эти рамки, хочу раскрепостить простого человека. Необходимо ближе узнавать людей. Нельзя их не любить. Люди — это моя страсть. Иные коллекционируют почтовые марки, а я люблю и коллекционирую людей. Кто-то сказал, что в человеке может жить и герой и преступник. Как они сожительствуют в нем?.. Это интересует меня. Я ищу необыкновенное в обыкновенном человеке. Ведь и в прошлом веке и Достоевский, и Гоголь, и Чехов тоже находили своих героев на улице. Не так ли?

— Вы следуете их примеру?

— Стараюсь.

Эммануэль Д'Астье де ля Вижери вспоминает: «Когда Жоржа Сименона спросили, кого из писателей он особенно ценит, он ответил, что, если б ему пришлось выбирать, он назвал бы Гоголя и Чехова. В Гоголе его привлекает умение воссоздавать мир, а в Чехове — глубокое сострадание к людям и стремление изменить к лучшему их судьбу». И в нашей беседе Сименон несколько раз упоминал об этом.

— А каковы стилистические особенности вашего жанра?

Писатель улыбнулся, словно бы он рад был этому вопросу. За стеклами очков в желтой роговой оправе видны пытливые, живые глаза. Он даже несколько изменил позу и говорил медленно, словно боясь, что я не успею записать его ответ:

— Я пишу быстро и лаконично. Стиль письма должен соответствовать темпу развития сюжета. Стараюсь писать наипростейшим языком и не люблю вычурную, велеречивую французскую литературу. В старое время романисты должны были все подробно описывать, ибо люди только из книг черпали жизнь во всех ее проявлениях. Теперь нет в этом надобности. Радио и телевидение дали хорошее образование читателю, а писателя избавили от лишних слов.

— Кого вы считаете наиболее значительным писателем?

Вновь взгляд вверх, за струйкой дыма.

— Мне нравятся Хемингуэй, Фолкнер, Дос-Пасос...

— А Агата Кристи?

По лицу писателя пробежала едва заметная тень.

— Я никогда не читал ее произведений, но, по словам моих английских друзей, ее творчество крайне однобоко. Ее интересует само преступление, его интрига, след, метод, характер, натуралистическое описание его. Она видит в человеке только низменные инстинкты, но нужен более широкий взгляд.

Писатель говорит это, не скрывая иронии.

— Сколько же вы написали романов?

— Двести девять. Они переведены почти на все языки планеты.

Этот необычайный успех пришел к нему не случайно и давно. Анатоль Франс как-то сказал: «Никому не дано создавать шедевров, но некоторые произведения становятся шедеврами благодаря любезности времени».

Бурная жизнь современного Запада толкнула растерявшихся маленьких людей-одиночек навстречу таланту писателя, и он их принял в объятия своих книг.

— Правда ли, что вы пишете очень быстро?

— Да, это правда. Но не подумайте, пожалуйста, что я это делаю для рекорда. Я ищу тип своего героя повсюду, иногда долго, а когда нахожу, то появляется образ, с которым я не расстаюсь ни во время прогулки по лесу, ни во время отдыха и даже обеда. Но он не жертва, пойманная мною, а свободный человек, постепенно раскрывающийся во всем своем многообразии. С этого момента меня уже не интересует, что происходит вокруг. Я весь захвачен героем, вхожу в образ, запираюсь в кабинете, и все домашние — жена, сыновья, прислуга — знают, что я должен выйти только к обеду и в десять часов вечера лечь спать, чтобы в шесть утра снова подойти к машинке и лепить своего Мегрэ, пока еще он не выскользнул из образа, приготовленного для него.

Сименон говорил это с улыбкой, которая выдавала в нем человека открытой души, уверенного во всем, что он делает.

— Посмотрите,— говорит он мне и протягивает указательный палец.— Видите мозоль?.. Я мечтаю писать быстро и коротко, чтобы мой роман прочитывался в один вечер.

— Но это утомительно...

— Может быть, но я не умею отдыхать. Больше того, от безделья у меня начинается какой-то нервный зуд, и я снова берусь за работу.

— Вы будете продолжать серию комиссара Мегрэ?

— Не хотел бы. Но я получаю массу писем со всех концов света с одним и тем же вопросом: «Куда исчез Мегрэ?» Вот мне и приходится вновь возвращаться к нему.

— Видите ли вы фильмы, созданные по вашим произведениям?

— Несколько раз видел и всегда разочаровывался, ибо мне казалось, что герои непохожи на тех, которые живут в моих романах и в моем воображении. Возможно, публике нравится, но мне обидно. Поэтому я перестал смотреть фильмы.

— А знаете ли вы, что советское телевидение показало небольшую серию ваших романов с комиссаром Мегрэ?

— Да, я об этом слышал. Мой старший сын — режиссер телевидения — прислал мне из Парижа фотографии этого телеспектакля. Скажу откровенно, я был поражен точностью воспроизведенного кабинета комиссара Мегрэ. Он именно такой, каким я его написал. К сожалению, другие режиссеры не утруждают себя и ставят фильмы, как они хотят.

— Правда ли, что вы увлекаетесь медициной?

— О да, это моя страсть. Подавляющее большинство моих друзей — врачи, с которыми я провожу все свободное время. Больше всего меня интересует область психиатрии и психопатологии. Я изучил психоанализ Фрейда, а Достоевский вдохновил меня на поиск причин непонятного на первый взгляд человеческого поведения.

Наша беседа окончена. Писатель показывает нам свой кабинет, где стоит большой письменный стол.

— За этим столом я не написал ни одной строчки, а вот на маленьком столике стоит «машинка моих пыток».

В кабинете на специальных полочках, на столе и в его ящиках — сотни трубок разных форм и размеров. И это страсть. В следующей, большой комнате — глубокие кожаные кресла, диван и круглый стол, шторы были задернуты и стоял полумрак.

— Здесь я принимаю издателей и продюсеров.

Мы вышли из дома на поляну. На углу небольшого заборчика, ограждающего бетонированную площадку, высилась статуя — человек в шляпе и в накинутом на плечи пальто.

— Это комиссар Мегрэ,— сказал писатель.— Таким я его себе представляю.

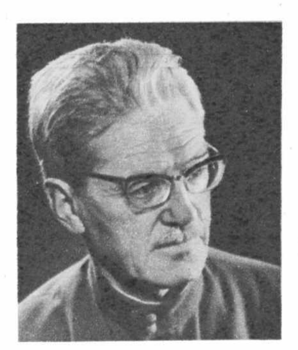
— А почему вы его поставили здесь, а не в доме?

— На этом месте, где стоит скульптура, я написал первый роман, героем которого был Мегрэ.

Мы походили по поляне. Настал час прощания. Мы благодарим хозяина за интервью и усаживаемся в «ситроен». Машина уже тронулась с места и выехала со двора, но мы видели, как он машет нам рукой...

Лозанна, апрель.

ИМЕНИ А. ФАДЕЕВА

Виталий Закруткин.

Иван Шамякин.

Недавно было опубликовано постановление секретариата ЦК ВЛКСМ и секретариата Союза писателей СССР об итогах Всесоюзного литературного конкурса имени А. Фадеева, объявленного в 1969 году в честь 25-летия Победы над фашистской Германией.

Особая премия конкурса имени А. Фадеева присуждена Герою Советского Союза, заслуженному летчику-испытателю СССР Юрию Гарнаеву — автору книги «Проверено на себе» (посмертно).

Виталию Закруткину — за повесть «Матерь человеческая» (впервые опубликованную в журнале «Огонек», №№ 38—42, 1969) и Федору Сухову — за поэму «Былина о неизвестном солдате» присуждена первая премия.

Вторая премия присуждена Ивану Шамякину — за повесть «Бронепоезд «Товарищ Ленин» (впервые опубликованную в журнале «Огонек», №№ 45—46, 1970) и Константину Лордкипанидзе — за автобиографическую повесть «Мой первый комсомолец».

ВЕСЕЛЫЙ ОМИРБЕК

Для всех любителей фольклора это событие, несомненно, приятное: к плеяде знаменитых народных остословов Средней Азии — Насреддина, Алдара Косе, Мушфики, Кэмине и других — присоединился каракалпакский весельчак и шутник Омирбек. Издательство «Каракалпакия» выпустило книгу «Анекдоты Омирбека» — первую фундаментальную публикацию юмористического каракалпакского фольклора на русском языке.

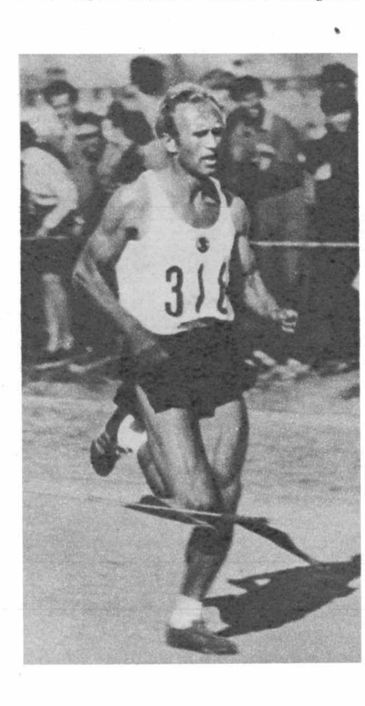
Книга «Анекдоты Омирбека» построена весьма оригинально: анекдоты расположены, если можно так сказать, в хронологическом порядке. Жизнь Омирбека проходит перед читателем в анекдотах — с детства до глубокой старости. В них много оригинальных находок и ситуаций.

Сейчас собиранием и изучением произведений народного творчества в СССР занимаются десятки учреждений, институтов, научно-исследовательских организаций, тысячи ученых и литераторов, десятки тысяч любителей-энтузиастов. Но мало просто собрать образцы песен или сказок, нужно сделать их достоянием всех других народов, очистить от чужеродных заимствований и позднейших наслоений. Особенно сложно обстоит дело с переводом на русский язык фольклора юмористического: ведь мало быть просто переводчиком-литератором. «Анекдоты Омирбека» собраны и переведены писателем-юмористом Борисом Приваловым, который к тому же много лет занимается народной сатирой и юмором. Собирать «веселый фольклор» различных народов Б. Привалов начал еще до Великой Отечественной войны, по совету Алексея Николаевича Толстого, который в ту пору сам был весьма увлечен изучением русских сказок. В результате бесед с А. Н. Толстым у Б. Привалова родился замысел большого цикла повестей, посвященных героям юмористического фольклора разных народов СССР (пока издано девять книг из этой серии). Поэтому обращение писателя-юмориста к Омирбеку не случайность, а итог большой исследовательской работы.

Анекдоты Омирбека. Издательство «Каракалпакстан», Нукус, 1970.

М. ХОДАКОВ

И. Шопша (Краснодар) быстрее всех пробежал 8 тысяч метров.

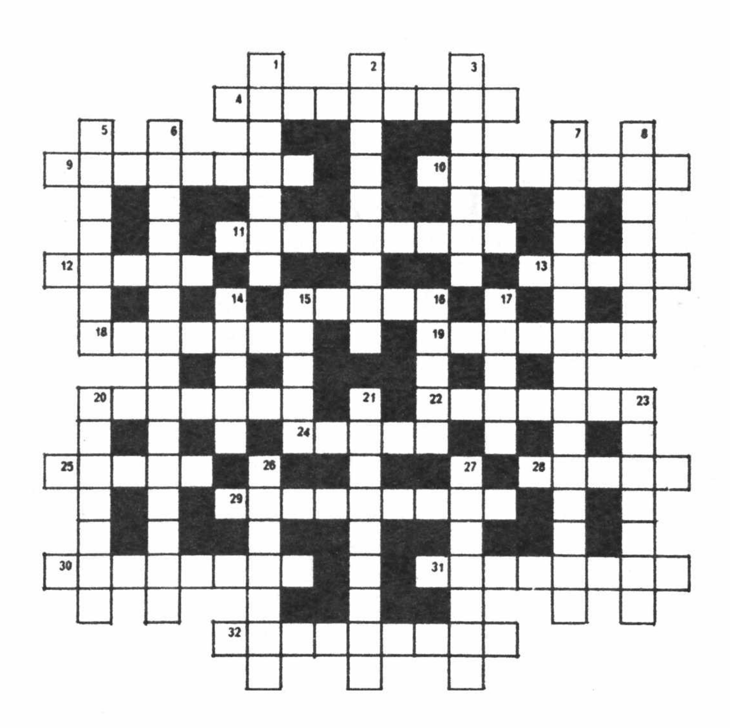

На дистанции девушки.

Фото Л. БОРОДУЛИНА

КРОСС «ПРАВДЫ»

Самые молодые победители 10-го, юбилейного кросса на призы газеты «Правда» — Ольга Двирна и Владимир Затонский, им по восемнадцать лет, самый старый — Петр Григорьевич Иванов, ему за семьдесят. Таков возрастной диапазон этих крупнейших легкоатлетических соревнований, получивших за десять лет огромное распространение по всей стране. Десятки тысяч бегунов выходят теперь каждой весной на старт, добиваясь права выступать в финале кросса в Москве. На этот раз на Московском ипподроме собралось 1 200 самых сильных бегунов, представителей всех союзных республик. Четыре часа продолжался этот праздник бега. Как и обычно, соревнования выявили много способных молодых бегунов, были показаны высокие результаты.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Спортивная игра. 9. Воинское звание. 10. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 11. Грузинский поэт XII века. 12. Сплав железа с никелем. 13. Сосуд для жидкостей. 15. Часть колеса. 18. Город в Северной Италии. 19. Комедия Н. В. Гоголя. 20. Вид изобразительного искусства. 22. Равносторонний прямоугольник. 24. Созвездие южного полушария неба. 25. Плодовое дерево. 28. Река в Ленинградской области. 29. Работник печати. 30. Краткое письменное изложение лекции, сочинения. 31. Чердачное помещение для жилья. 32. Певучесть, мелодичность музыки.

По вертикали: 1. Центр Алтайского края. 2. Описание Земли. 3. Человекообразная обезьяна. 5. Разновидность цвета. 6. Стихотворение В. Маяковского. 7. Антарктическая прибрежная научная станция СССР. 8. Картина Н. А. Ярошенко. 14. Действующее лицо оперы Р. Леонкавалло «Паяцы». 15. Рыба семейства карповых. 16. Приток Куры. 17. Работа на корабле всей команды. 20. Древнегреческий историк. 21. Русский писатель. 23. Самодвижущийся подводный снаряд. 26. Грузоподъемный механизм. 27. Порт на Дунае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 4. Прокофьев. 7. Сорго. 8. Осмий. 10. Арктика. 12. Чацкий. 14. Картер. 16. Париж. 19. Космонавт. 20. Тосканини. 21. «Ермак». 23. «Прачки». 26. Сарган. 28. Окулист. 29. Диван. 30. Кефир. 31. Ставангер.

По вертикали: 1. Проректор. 2. Уругвай. 3. Верстак. 5. «Комик». 6. Визир. 9. Батисфера. 11. Чемпионат. 13. Ирендык. 15. Атакама. 17. Автор. 18. Истра. 22. Моллакара. 24. Чибис. 25. «Иоланта». 26. Стрелец. 27. Рощин.

На первой странице обложки: Поют девочки, маленькие звездочки Тбилисского Дворца пионеров и школьников, из вокального класса заслуженной артистки республики Цицино Цицкишвили.

Фото И. Тункеля и Г. Хамашуридзе.

На последней странице обложки: Новый корпус Тбилисского государственного университета.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/IV-71 г. А 00554. Подп. к печ. 11/V-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 658. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1230.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Популярный диктор Венгерского телевидения Марика Такач вводит мяч в игру. Рядом с ней председатель Союза венгерских журналистов Шандор Барч, популярный актер Андраш Комлош и известный футболист Йожеф Божик.

Советский футболист Алексей Парамонов и известный польский актер Станислав Микульский. Между ними автор этой статьи.

СУР — ЛЮБИМОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Флориан Альберт и Кальман Месёй — две международных звезды венгерского футбола — выступают в роли судей. Ласло Папп — трехкратный чемпион Олимпийских игр по боксу — на сей раз в футбольных бутсах борется за мяч, а Янош Коош — исполнитель популярных песен — в черной майке и трусах вратаря охраняет ворота, прямо как настоящий леопард, бросается на мячи. У Адама Сиртеша, известного драматического актера, лауреата премии Кошута, на спине восьмерка. Сегодня он выступает в роли форварда, в то время как Дьёрдь Сепеши — популярный спортивный комментатор Венгерского радио — играет полузащитника.

Все они встретились в решающем матче, в котором приняли участие команды венгерских артистов и венгерских журналистов. Раньше о таком и мечтать мы не могли, а теперь эти встречи стали традиционными и для директора самого крупного спортивного сооружения в Венгрии Народного стадиона Имре Немета, олимпийского чемпиона по метанию молота, означают верный успех. Тысячи любителей юмора и музыки мечтают достать билет на СУР. Слово это образовано из названий команд — «Синеиэс» (артист) и «Уйшагиро» (журналист).

В тот день, когда объявляется дата матча (за три месяца до встречи!), на стадион сразу же обрушивается лавина заявок. Особенный интерес вызвал СУР 1970 года, когда в нем участвовал и даже забил гол известный польский артист Станислав Микульский, или, как его зовут по роли в фильмах, показанных по телевидению, капитан Клосс. Больше чем 450 тысяч человек мечтали получить билет на стадион, имеющий 80 тысяч мест. Вот и пришлось СУР проводить дважды.

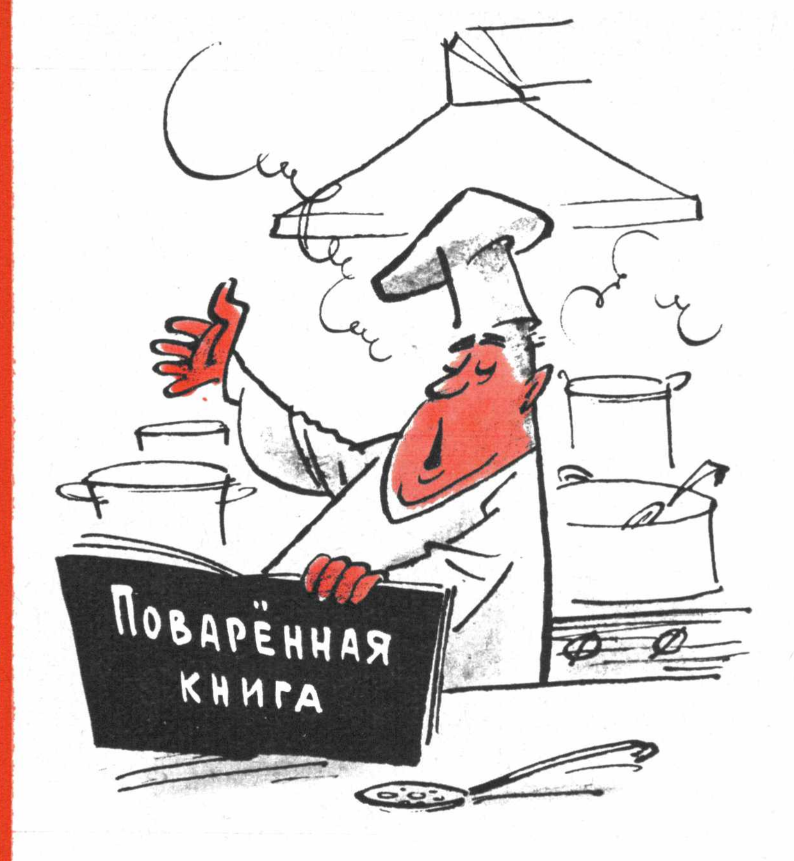
Чем объяснить такой успех у зрителей футбольных матчей СУР? Конечно, СУР — увлекательное спортивное зрелище, но оно шире, чем простой матч. До того, как мяч вводится в игру, самые известные и любимые артисты Венгрии выступают на четырех сценах, установленных тут же, на стадионе.

На тридцатом СУРе в нынешнем году мы будем приветствовать миллионного зрителя. Счастливец, который купит миллионный по счету билет, прямо тут же, на стадионе, получит ключ от новенького автомобиля! Программа этого юбилейного СУРа составлялась самими зрителями.

Норберт ШИКЛОШИ,
Генеральный секретарь Союза Венгерских Журналистов

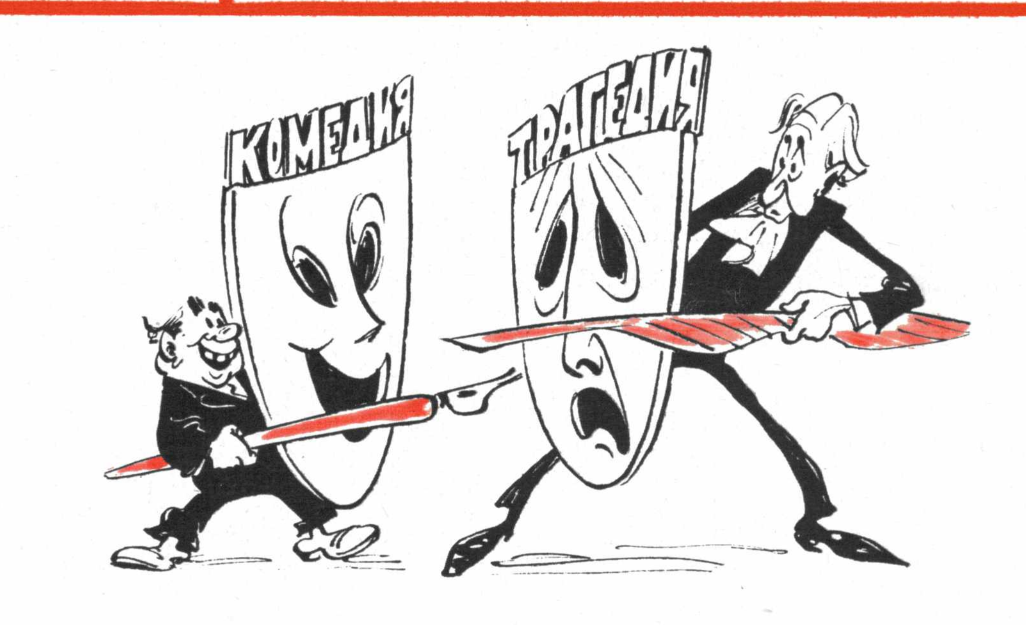
Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

— Что в день грядущий мне готовить!..

Со своим реквизитом.

...и так который век...

Начеку.

— Не беда, попробую себя в прозе!

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.